

КРОДИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ада Дэйтлер

18+

Ада Дэйтлер

Кролик

«Автор»

2026

Дэйтлер А.

Кролик / А. Дэйтлер — «Автор», 2026

Ли́ка — амбициозная помощница адвоката, страдающая редким расстройством сна. И́горь — успешный бизнесмен, увязший в судебных тяжбах с бывшей женой. После случайной правовой консультации они вынуждены съехаться под одну крышу. Смогут ли они спокойно сосуществовать на одной территории, если проблемы Игоря - явный триггер для обострения проблем Лики? Или кому-то все же придётся умереть? А если и да, то кому именно?

© Дэйтлер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кабинет следователя	5
Глава 2. Пару месяцев назад	7
Глава 3. Консультация	10
Глава 4. Сабантуй	15
Глава 5. Такси	20
Глава 6. Парацельс	23
Глава 7. Уборная	26
Глава 8. Допрос	30
Глава 9. После клуба	33
Глава 10. Офис	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ада Дэйтлер Кролик

Глава 1. Кабинет следователя

Кабинет следователя был напрочь завален картонными коробками с вещдоками и пухлыми, недавно сшитыми делами. Как и во всех следственных отделах, в целях экономии места два стола здесь были сдвинуты в один длинный почти как на сельских свадьбах, не хватало только подвыпивших родственников, которых подвозили сюда пачками, и разнообразных яств в кредит, которые могли быть в кабинете лишь в качестве вещдоков. Обычно в такой комнате работали сразу два следователя. Настоящий трэш начинался, когда они в одно и то же время пытались вести допрос — в ушах стоял сплошной гул из чужих тайн, слез и оправданий. Как тут не перепутать истории их рассказов и не описать, скажем, хищение и изнасилование в одном протоколе допроса?

Но в этот раз всё было иначе. Я сидела на жестком стуле совершенно одна, и — черт побери — в этот раз я была здесь далеко не в качестве стажерки.

Черт дёрнул меня взять с собой телефон, да ещё и выложить его прямо на стол следователя, экраном вверх. Я вообще люблю ходить по улице, сжимая мобильник в руке, это уже какая-то зависимость. Но сегодня, в момент дикого стресса, я даже не заметила, как схватила его с тумбочки и притащила сюда. Теперь он лежал между нами как безмолвный свидетель моей катастрофы.

Следователь, сидевший напротив, оказался холемым, симпатичным и еще довольно молодым мужчиной. Он не носил фетровую шляпу, не покуривал задумчиво трубку, как сыщики в старых детективах, но выглядел безупречно. Вообще, следственный комитет — это какое-то место паломничества для любителей мужского костюмного рая. Они почему-то все наряжались в дорогие пиджаки и идеально отглаженные рубашки. Исключением были разве что дни суточных дежурств, когда все облачались либо в удобные худи, либо в спецформу. Я бы точно не смогла работать в условиях такого жесткого дресс-кода и отсутствия свободы самовыражения. Но его этот костюм-тройка меня явно устраивал.

Он поднял на меня взгляд. Какие же красивые, добрые голубые глаза...

Но я тут же мысленно отвесила себе пощечину. Это все обманчиво. Он тебе не друг, Лика. Сколько раз в жизни ты уже говорила о чьих-то «добрых глазах», а потом их обладатели творили такую откровенную дичь? И плевать, что говорят, будто глаза — зеркало души. Во всяком случае, следователь — это последний человек на земле, которому можно доверять. Особенно когда твой процессуальный статус настолько шаткий и в любой момент может плавно перетечь в совершенно иной - менее благородный.

— Итак, Лика Валерьевна, вам разъясняются ваши права. Поставьте, пожалуйста, подпись вот здесь, подтверждая, что вы с ними ознакомлены.

Он протянул мне шариковую ручку. Когда я забирала ее, он едва заметно коснулся пальцами моих пальцев. Черт. По коже мгновенно побежали колющие, горячие мурашки.

Раньше мне казалось, что мое счастье где-то там, далеко — в признании, в успехе, в больших городах. Но когда происходят такие моменты, как этот... Когда встречаешь невероятно харизматичного, симпатичного человека в какой-нибудь провинциальной глуши, ты словно на секунду оживаешь. Просыпаешься от спячки. Однако спать в этом заведении и без того не приходилось : нужно было быть предельно сконцентрированным на вопросах и формулировках ответов, как будто даёшь интервью журналисту-провокатору, который рядом расслабляющих

вопросов сначала убаюкивает либо же и вовсе истощает твою нервную систему, а под конец использует тяжёлую артиллерию.

Тем временем он пододвинул ко мне распечатанный лист.

Да-да, стандартный набор. Права свидетеля... Стоп.

Я занесла над бумагой ручку, собираясь черкнуть размашистую подпись, но взгляд сам собой зацепился за шапку документа. На лбу мгновенно выступила холодная, тревожная испарина. Сердце пропустило удар, а затем заколотилось где-то в горле.

На бланке четко значилось: «Протокол допроса подозреваемого».

Я заставила себя поднять на него глаза. Голос слегка дрогнул, но я постаралась вернуть ему твердость:

— Вы дали мне не тот бланк...

— Да? — сухо, безупречно отчеканил следователь.

Он забрал у меня лист, и по его абсолютно равнодушному лицу я мгновенно поняла: это была не ошибка. Это была игра. Проверка на вшивность. Психологический прессинг. Он сам что-то подозревал...

— Мы еще не так близко знакомы, чтобы меня можно было в чем-то подозревать, — тихо, но с вызовом произнесла я.

— Ну, теперь, значит, будем знакомиться ближе, — на его губах промелькнула едва заметная, хищная усмешка.

Он повернулся к компьютеру, нажал пару клавиш и отправил на печать новый документ. Принтер за стенкой зажужжал, выплевывая правильный бланк. Следователь откинулся на спинку стула и добавил:

— Я надеюсь, вы никуда не спешите.

И в этот самый момент я отчетливо поняла: я вляпалась. По самые уши.

И хоть меня пока допрашивают в качестве свидетеля, я все же четко понимаю, что в любой момент благодаря какой-нибудь речевой оплошности быстро смогу поменять свой статус на подозреваемого или обвиняемого. Юристы отлично знают этот хитрый трюк: сначала допросить человека как свидетеля, вытянуть из него все показания без адвоката, а затем легким движением руки изменить его процессуальный статус.

Вот только я не делала того, о чем меня собирались допрашивать. И никогда в жизни не смогла бы сделать. Единственное преступление, которое я действительно совершила — это преступление против собственных границ. Ведь находясь в здравом уме и трезвом сознании, я бы ни за что и никогда не осталась в той компании... Однако скрывать мне, конечно же, было что. Эта информация сугубо личная, деликатная, конфиденциальная и, к моему огромному огорчению, может иметь непосредственное отношение к расследуемому делу. Но я почему-то упорно верю в то, что это не так, это не может происходить со мной. Я хорошая. Я золотая медалистка, отличница и считаю, что не должна была попадать в такие места.

А ведь началось всё так глупо. Всего пару месяцев назад...

Глава 2. Пару месяцев назад

Всего пару месяцев назад моя жизнь выглядела совершенно иначе. Никаких допросов, никакого страха. Я была обычной стажеркой в процветающей адвокатуре, а моим личным демиургом выступала Тамара Николаевна — женщина мертвой, цепкой хватки, обладавшая роскошной норковой шубой и... допотопным кнопочным телефоном, с которым она принципиально не желала расставаться.

В тот день я, как обычно, сидела, зарывшись с головой в чужие проблемы. Мои будни состояли из бесконечного изучения документов, подшивания старых дел, оформления квитанций и составления отчетов. Я собирала с клиентов счета, выписывала акты, высчитывала, кто, за что и сколько должен заплатить бюро. Рутинная, пыльная, но спокойная работа.

Тишину кабинета, нарушаемую только скрипом моей ручки, внезапно прервал голос Тамары Николаевны. Она откинулась на спинку кресла и задумчиво произнесла:

— А мне, знаешь ли, совершенно не нравятся юристы. Кругом говорят, что достойную пару можно встретить именно на работе, но меня наши коллеги почему-то только раздражают.

Я оторвалась от очередной квитанции и согласно кивнула (как тут не кивнуть? Это же начальница):

- Меня тоже. Они вечно как накрахмаленные пионы — холеные, гордые, а толку? Да и зарабатывают, если честно, не так уж много. Там жены, наверное, задолбались им пиджаки выглаживать ради этой видимости статуса.

— Вот-вот! — оживилась начальница, покрутив в руках свой старенький кнопочный мобильник. — То ли дело врачи. Мне, между прочим, очень нравятся медики.

— Врачи? — удивилась я. — Почему именно они?

Сама я всегда считала, что врачи — это своего рода судьи, только в белых мантиях вместо черных. От них тоже зависят человеческие жизни. Но если больница в моем представлении была явным чистилищем или даже раем, где людей спасают, то суд — это настоящая преисподняя, где порой вообще не понятно спасен человек заслуженно или нет.

— Да у них с гигиеной проблем никогда нет, — практично пояснила Тамара Николаевна. — И руки... Обращала внимание? У них всегда такие чистые, аккуратные руки.

Я улыбнулась. Мои собственные мысли в этот момент уплыли далеко от стерильно чистых рук хирургов. Если честно, мне всегда больше импонировали мужчины-судьи. Наверное, меня подсознательно восхищало то, что их работа требовала колоссального, почти нечеловеческого уровня ответственности. У меня самой этой ответственности явно не хватало — во всяком случае, её точно было недостаточно, чтобы я посмела собственноручно посягнуть на судейскую мантию. Вот поэтому я и сидела здесь, в статусе вечной стажерки. В адвокатуре я видела то, чего не могла дать казенная служба — абсолютную свободу. Свободу выбора стиля, свободу вести личную жизнь и ярко проявляться в социальных сетях. Здесь можно было оттачивать речь. В адвокатской практике порой позволялось даже не знать досконально все нормы права — куда важнее было оставаться чертовски убедительной и уметь виртуозно сочинять из сухих норм закона свои собственные, альтернативные, но почти всегда убедительные версии происходящего.

— А еще они чертовски заботливые... — мечтательно протянула начальница, глядя куда-то поверх своего кнопочного телефона. — Это же так мило, когда о тебе по-настоящему заботится мужчина. Столько искреннего внимания, и ведь не к твоей внешности, а к самому ценному — к здоровью...

Я скептически хмыкнула, не отрываясь от подшивания дела:

— Ну да. Главное при этом — не лежать перед ним со вздутием живота или с какой-нибудь нехорошей, порочащей девичью честь болячкой. В таких случаях излишнее внимание к твоему организму буквально смерти подобно.

Тамара Николаевна укоризненно посмотрела на меня, но я уже поймала волну воспоминаний:

— Серьезно! Когда я прошлый раз лежала в больнице, одна женщина в палате пускала газы, как старый советский паровоз. А обходной доктор пришел утром, послушал её фонендоскопом и радостно так выдал: «О, отлично, моторчик заработал!». Ему-то хорошо, радость у него профессиональная! А то, что этот «моторище» работал у нас под ухом целую ночь напролёт, конечно, не волновало никого ... В общем, к утру в палате тронулись абсолютно все.

— Умеешь же ты, Лика, всё испортить! — Тамара Николаевна со смехом всплеснула руками, и её норковые рукава тяжело колыхнулись. Она на секунду задумалась, переводя взгляд на заваленный исками и претензиями стол, и со вздохом затыкнула:

— Во всяком случае... у меня никогда не будет мужа-врача. Я с нашими клиентами до обычной больницы точно не дотяну. А если и дойду, то напрямую в психиатрическое отделение. Так что мне и лечить-то будет нечего, кроме нервов.

— Ну, тогда вам прямая дорога в платную клинику, — фыркнула я, перелистывая страницу. — Очередей там нет, зато найдут кучу всяких разных болячек, о существовании которых вы даже не подозревали.

— Так, а ты что-то расслабилась, как я погляжу, — улыбнулась начальница, мгновенно сбивая с меня шуточный настрой, и мигом решила вернуть меня в тонус, в то время, как её голос приобрел строгие профессиональные нотки. — Ты вопрос с лайнером решила?

Я мысленно вздохнула. Как его тут решишь? До работы в адвокатуре я и подумать не могла, что основные игры во взрослом мире — это хитроумные побеги от закона и налоговой. Мало того, я знать не знала, что можно зарабатывать, выступая артистом на круизных лайнерах, и что это официально называется «заработком». Наш горе-артист умудрился допустить фатальную ошибку: работодатель перечислял ему деньги регулярными, равными платежами прямо на личную банковскую карту. И вот теперь для него это «да-да, не моя проблема». Теперь это наша проблема. Это нам с Тамарой Николаевной нужно доставать кролика из шляпы, чтобы придумать этим переводам мало-мальски правдоподобный вид деятельности. Главное — чтобы это ни в коем случае не напоминало незаконное предпринимательство.

— Я посмотрела практику, — ответила я, подперев щеку кулаком. — И мне кажется, что нашему артисту идеально подходят ритуальные услуги...

— Какие-какие? — Тамара Николаевна оторвалась от бумаг и округлила глаза. — Кого это он там на круизном лайнере отпевал в перерывах между песнями?

— Ой, простите, репетиторские! — я испуганно мотнула головой, прогоняя наваждение. — Заговорила. Просто новостей с утра начиталась, в голове всё перемешалось. А вы читали, кстати? Мужчину, который убил жену во сне и сваливал всё на тяжёлое психическое расстройство, всё-таки признали виновным в убийстве. В суде сочли странным и не вкладывающимся в рамки лунатизма даже не сам факт жестокости, а то, что он начал оперативно замечать следы. Обычно по такой категории дел виновник, придя в себя, сам испытывает сильнейший шок. А тут — хладнокровная уборка.

— Не читала, — цинично отрезала начальница, даже не изменившись в лице. — Но думаю, что весь этот лунатизм — всего-навсего очередное нелепое оправдание, чтобы избежать ответственности за насилие. Хотя, на мой взгляд, суд мыслит шаблонно. Испуганный, паникующий человек тоже может растеряться и чисто рефлекторно спрятать улики, даже если до этого ничего не соображал. Тут всё дело исключительно в качестве работы адвоката. Кто лучше выстроил линию защиты, тот и прав.

Её слова прозвучали настолько обыденно и прагматично, что у меня внутри что-то екнуло. Я тут же вспомнила свой школьный тест по профориентации. В тот день мои ладошки усиленно потели от страха. Я сидела в вызывающе яркой, купленной в ГУМе красной юбке-карандаш (я называла её "адвокатской"), пока комиссия, состоящая сплошь из строгих взрослых людей, пыталась меня странными, непонятными вопросами.

— Ну и кем же вы хотите стать, деточка? — спросил тогда председатель комиссии.

— Адвокатом, — гордо выпрямила я спину.

— Что ж, интересно... Вот вы такая маленькая, хрупкая. А если к вам на приём приведут настоящего маньяка-убийцу? Будете его защищать?

Я тогда непроизвольно отшатнулась в сторону, бурно корча гримасу глубокого пренебрежения и отвращения. Но вовремя сообразила, где нахожусь, и выдавила:

— Ну... это вроде как моя работа...

— Но при этом вы только что продемонстрировали нам крайнее пренебрежение, — подловил меня мужчина предпенсионного возраста. — Ладно, Лика Валерьевна. Скажите, пожалуйста, с кем из персонажей мультфильмов вы ассоциируете свою личность?

К этому я точно была не готова. Я-то наивно думала, что меня будут гонять по сложной матчасти: спросят, как зовут министра экономики, сколько у него сыновей поименно и так далее. Хотя я этого всего и близко не знала. В панике я ляпнула первое, что пришло в мою кудрявую, взрывную голову:

— С Мальвиной.

— Это потому, что она любит часто умывать руки? — усмехнулся кто-то из психологов.

— Нет, — буркнула я. — Потому что мне сказали, что я похожа на неё причёской.

На этом моя ментальная пытка закончилась. Вспомнив это сейчас, в тишине кабинета, я посмотрела на Тамару Николаевну. Её рассуждения о деле лунатика казались мне пугающе циничными. Неужели она совсем не ищет высшей справедливости? Или всё же в юриспруденции никакой правды нет изначально? Остаются только сухие доказательства и голые факты. Вот только заковырка в том, что доказательства совершенно не означают истину. Это просто инструмент. И чужие доказательства всегда можно перевернуть и использовать в своих интересах... Главное — уметь это делать.

— Так что возвращаемся к нашему артисту, — прервала мои философские мысли начальница. — Репетиторство — мысль хорошая. Только спасая клиента от штрафа за незаконную предпринимательскую, посмотри нет ли для него иных финансовых угроз в случае оформления репетиторства. Прочитай суммы потерь. Пересмотри еще раз документы и, если считаешь такое решение вопроса выгодным, сделай ему такой договор, чтобы все было «зелено». Оформи это как дистанционные консультации по вокалу или технике речи. Нам нужно, чтобы комар носа не подточил.

— Поняла, сделаю, — вздохнула я, открывая на компьютере гражданский кодекс. И только я погрузилась в дебри договоров, как за окном, мягко шурша гравием, припарковался огромный черный «БМВ»...

Глава 3. Консультация

И только я погрузилась в дебри договоров, как за окном раздался шум. Машина незнакомца припарковалась настолько громко, что я сразу же отвлеклась от компьютера. Мне стало безумно любопытно, кто же из неё выйдет, ведь в городе я нередко видела роскошные иномарки. Иногда, переходя перед ними дорогу, я с удивлением замечала, что внутри этих шикарных кожаных салонов сидят женщины. Но не в этот раз...

Из водительской двери вышел невероятно презентабельный мужчина. Брюнет. Дорогой, идеально сидящий костюм, безупречно выглаженная рубашка и выверенная, сквозящая абсолютной уверенностью походка.

«Интересно, это кого он приехал штурмовать? — подумала я, замороженно наблюдая за ним. — Хорошо бы не к нам».

Я прекрасно понимала, что такие люди к специалистам моего уровня не обращаются. Моё синтетическое розовое платье с чёрными кружевными вставками буквально кричало о том, что работаю я бесперспективно бесплатно. Ну или за косметику и салат. И точно не за домашний оливье, а максимум за «Цезарь», но, конечно же, в недорогом придорожном кафе.

Начальница молниеносно перехватила мой взгляд и тоже поглядела в окно. На её губах появилась хищная улыбка:

— Надеюсь, он к нам.

Я инстинктивно вздрогнула. Впрочем, обслуживать эту важную особу всё равно придётся не мне. Но всё же, что у него могло такого стрястись, что он пожаловал в нашу «адвокатуру дьяволов»?

Спустя пару минут входная дверь отворилась, и в приёмную ворвался шлейф безумно дорогого мужского парфюма. Никакого дедовского «Тройного» одеколона — это был сложный, обволакивающий аромат дорогого табака, амбры и сандала с тонкими нотками пряного бергамота. Этот запах буквально обещал Тамаре Николаевне баснословную прибыль, поэтому она мгновенно пошла в атаку, поднимаясь из-за стола с самой чарующей из своих лицемерно-профессиональных удушающих улыбок:

— Добрый день! А Вы к нам?

Мужчина остановился, скользнул по офису ледяным взглядом глубоких синих глаз и зафиксировал его на моей начальнице:

— Здравствуйте. Вы Милевская?

— Да, это я.

— Значит, я к вам, — его голос оказался низким, бархатистым и не терпящим возражений.

— Прекрасно. Проходите тогда в мой личный кабинет, там мы и обсудим вашу ситуацию, — Тамара Николаевна грациозно указала рукой на дверь. — Документы по делу у вас с собой?

— Да, всё здесь, — ответил он, приподняв массивный, тяжеловесный чемодан из безупречной чёрной кожи.

Они двинулись в кабинет, а мне оставалось только уткнуться в монитор и делать вид, что я безумно увлечена юридическими проблемами того чувака с круизного лайнера. Я уже почти выдохнула, как вдруг начальница обернулась у самого порога:

— О, Лика, сделай нам, пожалуйста, кофе...

Дверь за ними закрылась. Я обиженно фыркнула, едва сдерживаясь, чтобы не показать этой закрытой двери язык. Я что, им в официантки нанималась?! Кофе ей подай... Хотя, с другой стороны, чего только не сделаешь ради того, чтобы лишний раз не привлекать к себе излишнее внимание таких опасных клиентов.

Пока на кухне шумела кофемашина, я невольно вспомнила, как вообще впервые познакомилась с этим напитком. Это было на летней практике в Следственном комитете. Тогда я ещё совсем не пила кофе и совершенно в нём не разбиралась. Когда следователь решил меня угостить и спросил про сахар, я ляпнула первое, что пришло в голову: «Две ложки с горкой будет достаточно». Второй следователь — в которого я, к слову, была тайно и безответно влюблена — удивлённо вытаращился на меня, будто мысленно покрутив пальцем у виска.

- И не слипнется? - спросил он, в то время как мой первый руководитель просто тихо посмеялся над наивной студенткой. Я тогда банально не знала чувства меры: не понимала, сколько сахара мне нужно и какой сорт я вообще предпочитаю.

С тех пор утекло много воды, но когда готовишь кофе другим людям, всё равно немного переживаешь за исход дела. А вдруг получится слишком сладко? Или, наоборот, горько?

— Ой, я же забыла спросить, как наш гость его пьёт, — пробормотала я себе под нос.

Прихватив поднос, я вошла в кабинет как раз в момент зарождения их разговора. Моя начальница уже всю изучала материалы, внимательно вчитываясь в какой-то документ.

— Но вы же понимаете последствия этого действия? — строго спросила она, не поднимая глаз от бумаг. — Даже с учётом того, что пока она не предъявила своих требований?

«Она? — мысленно встрепенулась я, застыв у порога. — Он женат? В стадии развода?»

В моей голове тут же выстроилась логическая цепочка: если мужчина разводится, значит, сейчас зол на весь женский род. А раз так, то ему положены две больших ложки крепкого кофе с горкой и абсолютно без сахара.

- Да, я всё прекрасно понимаю, — ровным тоном ответил незнакомец. — Я затем и пришёл к вам... Проконсультироваться.

— Кхм-кхм... — неловко кашлянула я, привлекая к себе внимание.

Начальница сразу же уставилась на меня своим фирменным таинственным взглядом, в котором читалось: «Ну что, готово?»

— Я хотела спросить: вам с сахаром или без? — робко обратилась я к мужчине, что ему, очевидно, понравилось.

— С сахаром, — ответил незнакомец, даже не повернув головы в мою сторону. — И добавьте туда теплого молока, если есть.

«Он что, охренел?! — мысленно взрывалась я от возмущения. — Я здесь вообще-то не обслуживающий персонал! Я пять лет в университете на юриста училась, мозг сушила, а он вот так просто даже не устаивает меня своим высокомерным взглядом!»

Тамара Николаевна, не замечая моей внутренней бури, перевернула страницу:

- О, и да, Лика. Возьми паспортные данные у нашего клиента и оформи с ним общий договор на оказание юридических услуг. Пропиши предмет: ведение дел в сфере семейно-брачных отношений. Все конкретные сроки и условия вынесем в дополнительное соглашение.

Мужчина молча достал из кармана пиджака паспорт и протянул его мне. Забрав документ, я вернулась на кухню. Кофе я ему, конечно, сделала — и с сахаром, и с молоком, как просил, — но внутри всё ещё кипела обида.

Когда я снова зашла в кабинет и наклонилась к журнальному столику, чтобы расставить чашки, краем глаза заметила, что гость подозрительно внимательно уставился на разрез моей юбки.

«О боги! Только этого мне не хватало! — запаниковала я, поспешно выпрямляясь. — Разведёнок с тяжёлым обозом позади в виде бывшей жены. Такие истории никогда хорошо не заканчиваются».

Впрочем, я тут же мысленно одёрнула сама себя. И почему это «мне не хватало»? С чего я вообще взяла, что привалило какое-то счастье? То, что в его поле зрения случайно попали мои стройные ножки, вообще ничего не значит. Он не побежит прямо сейчас звать меня на свидание. Обычная мужская поверхностная блажь.

«Выбрасывай это из головы, Лика. Это совершенно ничего не значит. Работай».

Я вернулась на своё рабочее место в проходную приёмную, которая временно служила мне кабинетом, и, уевшись за стол, с предвкушением открыла его паспорт.

— Ну сейчас поглядим, что ты за шпиц... — пробормотала я под нос. Тут же осеклась, смешно округлила глаза, вспоминая, правильное ли слово выбрала, и исправилась: — Ох, нет. Фриц!

С фотографии на меня смотрел мужчина с идеальной симметрией лица. Чёткие скулы, прямой нос, волевой подбородок. Боже, какие красивые черты лица.

Я скользнула взглядом по строчке «Дата рождения». Так, тридцать шесть лет. Внутри что-то тихонько разочарованно звякнуло. Мне-то всего двадцать один. Разница в пятнадцать лет — это уже целая пропасть. Дальше пошёл быстрый подсчёт в уме. Ноябрь. Скорпион... Я сокрушённо вздохнула. Ну всё, дальше можно даже не читать. Типичный Скорпион. У такого наверняка бывшая жена уже тайно похоронена на заднем дворе под кустами пионов, а он ходит по адвокатам и делает вид, что чист перед законом.

«Нарциссенко Игорь Вячеславович», — прочитала я на главной странице. — Нарциссенко, значит... Оно и видно, — фыркнула я, хотя пальцы уже сами потянулись к клавиатуре.

Шаблон договора на экране сиротливо мигал курсором, но профессиональное любопытство (или обычная женская вредность) взяло верх. "Пробью-ка я его по своим каналам связи". Под «каналами связи» подразумевался банальный, но глубокий мониторинг всех доступных соцсетей. Через пять минут я изучала его профиль. Фотографий было мало, все строгие, дорогие, без намёка на личную жизнь. Зато в статусе гордо красовалось глубокомысленное изречение.

Я прочитала вслух с выражением:

— «Великие умы обсуждают идеи. Средние умы обсуждают события. Мелкие умы обсуждают людей».

Затем откинулась на спинку кресла и язвительно хмыкнула:

— Ах, вот мы как заговорили? Делаешь вид, что ты начитанный интеллигент из высшего общества? Ну-ну. Да, это высшее общество, дорогой Игорь Вячеславович, но только глубоко провинциальное. Одно дело — украсть цитату великого мыслителя для статуса, и совсем другое — самому быть этим мыслителем.

С этими словами я решительно свернула браузер и принялась вбивать его данные в официальный юридический бланк. Нарциссенко... Ещё и фамилия какая странная...

Не успела я опомниться, как за дверью кабинета начальницы послышался отчетливый стук приближающихся пар обуви и приглушенные голоса.

Сердце предательски екнуло: они возвращаются! В панике я заметала курсором по экрану. Пальцы мелко дрожали, я начала на бешеной скорости вбивать данные из паспорта: «Игорь Владимирович... тридцать шесть лет... зарегистрирован...» Глаза бегали от документа к документу, дыхание перехватило от страха не успеть.

В этот момент дверь с сухим щелчком приоткрылась.

— Ну что, Лика, договор готов к подписи? — заглянула сияющая начальница.

— А то! — бодро выпалила я и, пряча дикий испуг за дежурной улыбкой, быстро щелкнула мышкой на кнопку печати. Принтер за стеной натужно зажужжал.

— Оперативно, — улыбнулся Игорь, входя вслед за ней. В его глазах промелькнуло одобрение. — Нисколько не сомневался, что вы лучшие в своем деле. Я приду к вам завтра, как только получу больше информации.

— Завтра? — начальница картинно приторно удивилась, вскинув ухоженные брови. — Лика, посмотри, пожалуйста, наше расписание на завтра. Там, наверное, все забито под завязку?

Я едва сдержала смехок. Ага, забито. Под завязку... Наша контора была далеко не так востребована, как мечтала моя самолюбивая начальница.

Однако от её дохода все же зависели и мои некоторые финансовые бенефиты, поэтому я с деловым и очень серьезным видом тут же раскрыла абсолютно пустой блокнот, сделав вид, что изучаю плотный график своей горгульи.

— Завтра... так, завтра у нас все расписано. Есть окно только во время обеда, и то минут на тридцать можем вас втиснуть. Если, конечно, хотите.

— Но это отдельный прайс! — тут же коршуном подхватила начальница, победно блеснув глазами. — Сами понимаете, обеденный перерыв. Сверхурочные...

- Да, я согласен, — легко кивнул Игорь, даже не поморщившись.

Он подошел к моему столу и наклонился, чтобы подписать свежееотпечатанный документ. И снова этот чертов парфюм — дорогой, шлейфовый, кружащий голову. На мгновение я залипла. Игорь сжал шариковую ручку, и я заметила его руки: чудной, непривычно широкой формы, но очень аккуратно подстриженные, чистые белые ногти. Сам он мгновенно стал строгим, буквально застыл над договором. Вчитывался так внимательно, будто проверял международный контракт на миллионы долларов. В какой-то момент на его губах даже промелькнула странная, едва заметная улыбка. Поставив размашистую подпись, он аккуратно забрал свой паспорт и направился к выходу в сопровождении моей благоговейщей начальницы. Та семенила рядом, а в ее глазах читались исключительно мысли о том, как достроить свой загородный коттедж и на какое море улететь этим летом благодаря таким щедрым клиентам. Дверь за ними закрылась. Я шумно выдохнула, чувствуя себя победительницей. Гордая своей скоростью, я взяла со стола оставшуюся у меня копию договора, пробежалась глазами по тексту... и мир вокруг меня тотчас же рухнул...

Первый. Ужасный. Абсолютно непростительный ляп: в шапке документа жирным шрифтом красовалось: «Договор на оказание ритуальных услуг и организацию погребения».

Мое сердце мгновенно ушло куда-то в пятки. Спина покрылась холодным потом, а ладони в секунду стали мокрыми. О боже... Ну и что мне теперь делать?! После всего этого пафоса, после разговоров о «лучших в своем деле»?! Признаться сейчас в своей тотальной невнимательности и рассеянности — это значит просто умереть от стыда на месте. И ладно бы договор был на нескольких листах — клиент подписал бы только последний, не глядя на первые. Но черт дернул меня сэкономить на бумаге и втиснуть всё на один-единственный лист ради экономии и лени! Я в ужасе уставилась на строчки, которые только что подписал наш дражайший клиент.

Этот ошибочный шаблон вообще-то предназначался для музыканта с круизного лайнера и то после того, как к нему придёт налоговая проверка!

Теперь же на листе формата А4 красовались весьма занимательные пункты. В разделе «Обязанности исполнителя» черным по белому было написано: «Исполнитель обязуется обеспечить своевременное отпевание Заказчика, а также гарантирует регулярный уход за усопшим, включая очистку надгробной плиты от мха и сорных трав». А чуть ниже: «Музыкальное сопровождение траурной процессии осуществляется силами струнного квартета (инструменты: две скрипки, альт, виолончель) с обязательным исполнением минорных композиций». И под этим бредом стояла размашистая, уверенная подпись Игоря Нарциссенко. Скорпиона, который завтра придет в наш «элитный» офис обсуждать свои похороны вместо бракоразводного процесса...

Я сидела неподвижно, уставившись в лист с отметкой «для ритуальных услуг». В голове стоял сплошной белый шум. В этот момент дверь офиса широко распахнулась, и в кабинет

буквально впорхнула начальница. Она была в невероятно бодром, приподнятом расположении духа, на ходу поправляя идеальную укладку. Заметив меня, она резко затормозила.

— Все в порядке? — спросила начальница, удивленно вскинув брови. — Лица, ты выглядишь... Эм... жутковато...

«Как будто только что похоронила свои премиальные и карьеру», — обреченно подумала я, но вслух, конечно, этого не произнесла. Кое-как вернув лицу подобие живой мимики, я выдавила:

— Нет-нет, все хорошо. Просто... не могли бы вы...

Я замялась, лихорадочно соображая, как перевести тему. В голову пришла дурацкая мысль попросить её больше не гонять меня за кофе для клиентов.

— Ах, да! — восторженно перебила меня начальница, всплеснув руками. — Кофе сегодня был просто потрясающий! Я даже повышу тебе премию вот за такие мелкие, комфортные приятности. Игорь Вячеславович остался в полном восторге от нашего сервиса! Ой, извини, я тебя перебила. Ты что-то хотела сказать?

— Да... — протянула я.

«Уже перехотела». Я понимала, что после обещания повышенной премии признание в ритуальном договоре выглядело как гарантированное самоубийство. Нужно было срочно спасать положение и придумывать оправдание своей мертвенной бледности.

— Да, просто... у меня, кажется, диарея началась, — ляпнула я первое, что пришло в голову. — У вас случайно не найдется таблетки для живота?

— Конечно! — легко отозвалась начальница и принялась увлеченно копошиться в своей неприлично дорогой брендовой сумочке.

— Вот, держи, — она протянула мне фольгированный блистер. — И кстати, я хотела уточнить... Ты сейчас одна?

Я на секунду зависла, подозрительно на нее посмотрев.

— В смысле? — спросила я, ожидая какого-то подвоха, связанного с работой.

— Ну, свободна? Ни с кем не встречаешься в личном плане?

Внутри меня тут же включился профессиональный режим защиты.

— О, если вы думаете, что я сейчас уйду в декрет и брошу вас с горой документов, то вы крупно ошибаетесь! — поспешно заверила я её. — Я не одна. Как видите, у меня очень много работы.

"Было бы, конечно, заметно меньше, если бы я не косячила и делала все как полагается не с две тысячи первого раза"

— Отлично, — бросила начальница.

Я была слишком увлечена спасением своей шкуры, поэтому совершенно пропустила её задумчивый, странно заинтересованный взгляд. Она явно что-то замышляла в своей голове, но мне сейчас было не до её интриг.

Как только дверь её кабинета с тихим щелчком закрылась, я с облегчением выдохнула: она сама забыла подписать документ. Конечно, рано или поздно она вспомнит о нём... К тому времени мне нужно подsunуть ей правильную версию с кипой других бумаг...

Я посмотрела на блистер в своей руке, а затем решительно отправила таблетку точным броском прямо в мусорную урну под столом. Живот у меня не болел. У меня болела гордость, и паника колотила изнутри так, что никакой лоперамид бы не помог. Я снова перевела взгляд на злополучный лист. Струнный квартет. Уход за надгробием. Игорь Нарциссенко. Завтра в обед этот Скорпион придет сюда снова. И мне нужно сделать так, чтобы он никого не ужалил...

Глава 4. Сабантуй

Домой я возвращалась в состоянии полного морального истощения. Моя «крепость» — крошечная арендованная комната на окраине — встретила меня привычной атмосферой аккуратного убранного алкогольного барыжника. Ремонт здесь не делался, кажется, со времен блокады Ленинграда.

Я заперла хлипкую дверь своей комнаты изнутри, словно это могло защитить меня от завтрашнего дня, и обессиленно рухнула на кровать. Мое экономное китайское постельное белье обладало уникальным свойством: стоило мне немного вспотеть от стресса, как ядовитая краска с простыни тут же мигрировала на кожу. Так что завтра я гарантированно проснусь с зелено-фиолетовыми разводами на боках, напоминая крупный спелый баклажан. Но сейчас меня волновало другое.

Я отчаянно мерила шагами скрипучий деревянный пол, плотно выкрашенный коричневой напольной краской, потрескавшейся местами от времени и воздействия попадавших на неё через тяжеловесные шторы в цвет пола прямых солнечных лучей, лихорадочно взвешивая три пути спасения:

Вариант первый: признаться во всем содеянном начальнице, покаяться, скорчить виновную физиономию. Но в данной ситуации для меня это было смерти подобно. Она и так относится ко мне предвзято: в прошлом месяце из-за одного небольшого косяка со сроками обжалования она сообщила мне о том, что я не стратег, а дворник. Поэтому теперь при каждой малейшей оплошности я шкурой чувствую, как она жалеет, что вообще взяла меня на эту стажировку. Если я скажу, что подсунула ее главному спонсору коттеджа договор на отпевание, она сожрет меня без соли и сахара, причём гораздо быстрее, чем Сцилла слопала флотилию Одиссея.

Вариант второй: тихо подделать подпись Игоря на правильном бланке. Самый скользкий путь. Если дело дойдет до суда и всплывет экспертиза почерка — это не просто вылет из профессии, это уголовка. Рисковать свободой ради Нарциссенко? Еще чего?!

Вариант третий: поговорить с самим клиентом. Жутко стыдно показаться круглой душой перед этим пафосным мужчиной. Но учитывая, что я для него одновременно и юрист, и официантка с кофейным подносом, авторитет мой в его глазах и так болтается где-то на уровне плинтуса.

"Решено! Поговорю с Нарциссенко напрямую, — заключила я, утыкаясь лицом в жесткую подушку. — Завтра в офисе поймать момент не получится, начальница от своего драгоценнейшего услугоплательщика ни на секунду не отходит... Так что я просто утром перепишу его номер телефона и адрес из договора. Предварительно позвоню. А после работы сразу поеду к нему или в условленное нами место и все объясню».

С этой относительно здоровой мыслью я наконец стала проваливаться в сладкий сон. Но не тут-то было: в дверь неожиданно забарабанили... Я аж подпрыгнула на кровати, затем неохотно поплелась к двери, так как мои соседки слышали, что я вернулась. Если бы это было не так, то я, конечно, притворилась бы мертвой или отсутствующей...

Когда я отворила дверь, на пороге стояла Люба. Её пышная грудь, казалось, жила отдельной жизнью и сейчас скорбно вздыхала вместе с хозяйкой, роскошные золотистые волосы, напоминающие солому высшего качества, были собраны в небрежный пучок, а из-под косой чёлки на пол-лица испуганно хлопали огромные наращенные ресницы.

— Лика, хорош чахнуть в одиночестве! — зычно пробасила она, бесцеремонно хватая меня за руку и вытягивая в коридор. — Пошли на кухню, там Наташка бутылку открыла. Надо замочить твоё новоселье.

"Ну что же? Надо так надо... Думаю, мягкое переключение на другую, девчачью волну мне сейчас не повредит, по крайней мере, хуже точно уже не будет" - наивно полагала я и пошла вслед за соседкой.

Кухня встретила нас тусклым светом сорокаваттной лампочки, запахом заветренных шпротных бутербродов и плотным облаком сигаретного дыма, что меня, конечно же, раздражало, ведь здравый смысл заставлял вернуться в безопасное воздушное пространство.

На кухне на подоконнике уже восседала Наташа — третья наша сожительница.

Стоит сразу пояснить, с кем мне повезло делить эти квадратные метры.

Люба (Ждун) - моя самая адекватная соседка из всех трех имеющих. Люба приехала из глухой деревеньки, работала продавщицей и обладала уникальным крупным силуэтом. Она обожала трикотажные платья в обтяжку, в которых из-за массивного низа и плавно стекающей вниз груди была феноменально похожа на мемного серого Ждуна. Компенсировалось это великолепие длинными, загнутыми до самых бровей наращенными ресницами и — без шуток — шикарной, густой гривой золотистых волос.

Остальные две обитательницы нашей коммунальной квартиры были еще колоритнее.

Алёна — официально сумасшедшая. Она пребывала в святой уверенности, что абсолютно все мужчины на планете Земля мечтают с ней совокупиться. Хотя в реальности парни скорее отдали бы её руку на отсечение, лишь бы этого не делать.

И Наташа — медсестра в местной поликлинике. Вопреки белому халату, Наташа выглядела как содержательница портового кабака: носила вызывающе короткие юбки, курила как не в себя и питала нежную страсть к крепкому алкоголю.

Люба тут же пододвинула ко мне кастрюлю с квашеной капустой, сама же сгребла со стола последний бутерброд. В пухлых пальцах, помимо бутерброда, она крутила изящную именную ручку, на корпусе которой красовалась гравировка: ООО «Евротранзит».

— Ой, девки, — мечтательно вздохнула соседка, жуя шпроту. — А мне как-то тоже мужик «чаевые» на кассе оставил. Купил одну упаковку чая по цене двух... Такой щедрый, правда, он-то об этом не знал.

Наташа, сидевшая у открытой форточки, цинично затаилась и хмыкнула:

— Суть истинной благотворительности — в отсутствии умысла. Он же не хотел тебе понравиться или получить от тебя что-то взамен, или показать, какой он хороший, чтоб самолюбие потешить.

— Ну да, — согласилась Люба, захлопав ресницами. — Хороший мужичка.

— А если бы он знал о своей щедрости, то не был бы таким хорошим, — отрезала Наташа, со стуком поставив на стол гранёную стопку. — У нас вот в поликлинике сладости — это обычное дело... А дарят их всегда с умыслом.

Я, почувствовав, как крепкий напиток на голодный желудок начинает приятно туманить мозг и заглушать мои мысли о Нарциссенко и его ритуальный участи, перевела взгляд на ручку:

— Ого, Наташ, ты работаешь в «Евротранзите»?

Медсестра загадочно улыбнулась, поправляя воротничок халата:

— Ну, не прям евро, но кое-каким транзитом занимаюсь, да.

— Ага, спиртосодержащих веществ по поликлинике! — хохотнула Люба.

— Кстати, о спиртосодержащих, — Наташа оживилась и снова взялась за бутылку. — Давай замочим, Ли́ка, наше знакомство...

И в ту же секунду словно опытный сомелье или виртуозный бармен дорогого столичного заведения, она точными, выверенными движениями стала разливать нам водку по гранёным стопкам. А я пила. Пила как не в себя, залпом, стакан за стаканом, отчаянно пытаюсь заглушить этот проклятый внутренний хор, поющий про конвой, и намертво забыть Нарциссенко, начальницу и этот чёртов ритуальный договор. И это сработало. Уже спустя несколько минут

остатки моего измученного сознания мягко растащило по разным, самым отдалённым уголкам бытия, и мне впервые за весь вечер стало просто хорошо. Тревога отступила, уступив место блаженной пустоте.

Спустя ещё какое-то время я стала замечать, как окружающий мир начал причудливо преобразаться в какую-то фантастическую 3Д-голограмму. Все картинки вокруг двигались тягуче, плавно, как будто в заторможенной съёмке, а мои собственные мысли вдруг стали заметно опережать слова. Это было странное, ни на что не похожее ощущение: как будто мысль бежала в самом начале марафона, а речь уныло плелась где-то в конце. Или как будто я пыталась говорить в неисправный караоке-микрофон, который безбожно отставал по звуковому сопровождению от моих губ.

Через минуту мы уже торчали на холодном балконе. Люба и Наташа задымили тонкими сигаретами, превращая замкнутое пространство в филиал паровозного депо. Я брезгливо вжалась в угол, пытаясь не дышать этой смесью табака и перегара.

Наташа шумно выпустила струю густого дыма мне прямо в лицо, заставив меня закашляться, и задумчиво покрутила в пальцах ту самую именную ручку:

— А вообще, эта ручка мне досталась от деда.

— О, а что случилось с твоим дедушкой? — спросила я, услышав собственный голос через три секунды после произнесения речи.

Люба перестала жевать и уставилась на Наташу своими глазами, ставшими круглыми, как пятидесятикопеечные монеты.

— Да не с моим, — фыркнула Наташа, стряхивая пепел в пустую банку из-под шпрот. — Он лежал у нас в хирургии, потому что сидеть не мог.

— Геморрой? — со знанием дела предположила Люба.

— Банан, — лаконично отрезала медсестра.

Я на секунду зависла, пытаясь состыковать деда и тропический фрукт.

— Это какая-то метафора?

Наташа дико расхохоталась:

— Эль натюрель банан. Сорт «экстра», спелый. Причем, судя по глубине погружения, дедуля мог в космос на нем улететь. Мой врач его спрашивает: «Как так вышло-то?» А тот, прикиньте, выдает: «Шел по кухне, поскользнулся, упал — и вот».

Люба подавилась дымом, закашлялась и прохрипела:

— Упал?! Это под каким же углом надо падать, чтоб так метко приземлиться?!

— Мы его когда в операционную катили, — Наташа аж зажмурилась от удовольствия, — он всё шептал: «Только жене не говорите, скажите — аппендицит». Врач ему и говорит: «Так и запишем: аппендицит тропический, глубоко запущенный»

— А спасли хоть? — с ужасом спросила я.

— Нет, ушел в отходы, — равнодушно пожала плечами Наташа.

Я почувствовала, как к горлу подступает ком:

— Я про дедулю...

— А-а, этот, — Наташа зевнула. — Дед жив-здоров... По крайней мере был на момент последнего осмотра...

И тут входная дверь в квартиру содрогнулась от мощных ударов — приехала Катька...

Наташа и Люба невозмутимо выплыли с балкона, окутанные плотным облаком сигаретного дыма. И как только Наташа лениво открыла дверь, в прихожую ураганом влетела чересчур активная Катька. На ней была какая-то вязаная кофта из позапрошлого сезона, джинсы-скинни и черные лоферы сомнительного происхождения. Следом за ней протиснулась Оксана — их подруга в мешковатой юбке. Оксана была, что называется, «при параде»: ресницы-опахала,

губы «уточкой» и аромат духов такой ядрёной концентрации, что он был способен свалить с ног ломовую лошадь.

— Вы чё, еще не готовы?! — с порога заорала Катька, перекрикивая тишину квартиры. — В «Парацельсе» уже пати началось! Там диджей какой-то столичный приехал, говорят даже, что трезвый!

- Мы-то готовы, - икнула Люба. - Но это смотря с какой стороны посмотреть...

— Давайте быстрее! — торопила Катька, сверяясь с часами. — Я уже «шлюховозку» вызвала, через минут десять-пятнадцать будет у подъезда.

Наташа обернулась ко мне и хитро подмигнула:

— Слышала, Лика? Наша карета уже подана. Оксанка, дай ей свои блестки, а то она такая бледная, как тот банан из поликлиники.

— Очень надеюсь не оказаться там же... — пробормотала я, косясь на Оксану.

Оксана молча полезла в свою огромную сумку и достала бюджетную баночку с золотым глиттером. Выглядел он так, будто им можно было смело обновлять надписи на старых кладбищенских памятниках.

— Мажься, — авторитетно заявила Наташа, отнимая у Оксаны банку. — Если в клубе вырубят свет, мы по твоим щекам найдем дорогу к выходу.

— А ты что, прямо в этом поедешь? — Оксана брезгливо ткнула длинным наращенным ногтем в мои бесформенные джинсы. — Нет, так вообще не пойдет!

«До этого момента я вообще не подозревала, что куда-то там собираюсь. Однако, с другой стороны, почему бы и нет? Что я вспомню в глубокой старости, сидя в кресле-качалке? Договоры об оказании услуг на круизных лайнерах, которые я перепроверяла в конторе? Да и то по границам каталась не я, а безликие клиенты. Немного здорового эгоизма мне сейчас точно не навредит. Надо же хоть раз в жизни выключить режим правильной девочки».

— Наташа! — тем временем завопила Оксана подобно пожарной сигнализации на весь коридор, уперев руки в бока. — У тебя есть мини-юбка какая-нибудь? Из нее срочно нужно сделать человека!

Полусобранная Наташа, шлепая босыми ногами по пыльному красному ковру, подошла к комоду. С явным шорохом она выудила из недр ящика самую маленькую, самую короткую кружевную юбку в обlipку. Эта вещь была дико актуальна в гардеробе медсестры до того, как в ее жизни в промышленных масштабах появились сладкие презенты от пациентов, истории про бананы и именные ручки.

— Вот, пусть примерит, — Наташа бросила мне этот клочок ткани.

Я послушно облачилась в чужую юбку и, взглянув в мутное зеркало прихожей, сразу же почувствовала себя безумно неловко. И как-то... сексуально. Но эта сексуальность граничила с паникой и неловкостью за потенциальное чужое внимание.

«Как вообще звучит короткая юбка на мужском языке? — испуганно подумала я, пытаюсь натянуть кружево пониже, хотя натягивать там было решительно нечего. — Как просьба о внимании? Или, может быть, как прямой призыв к действию?.. Нет, так точно не годится...»

И только я потянула замок, твердо решив снять этот позор и вернуться в свои уютные джинсы, как ко мне вплотную подошла Наташа. Она бесцеремонно шлепнула меня по ладони:

— Вот теперь всё супер! Оставляй, у нас больше нет времени. Такси уже на месте, иначе будем платить за простой.

Я обреченно вздохнула, заскочила на секунду в свою комнату, чтобы забрать сумочку, и закрыла дверь.

И тут же из коридора донесся громогласный, командирский голос Катьки:

— Дамы, шлюховозка на месте! На выход!

«Черт возьми, — у меня внутри всё похолодело. — Не карета для принцесс, не коробочка для лягушонок и даже не тыква... Шлюховозка. И в ней поеду я, будущий блюститель закона... »

Я жутко засмушалась. Мозг окончательно переключился в режим заторможенного 3D, и я словно через плотный туман тихо попросила Катьку:

— Кать... а ты можешь не называть такси шлюховозкой? Некультурно же.

— Могу, — отрезала она, даже не повернув головы, — Но не хочу. Погнали, девочки, живее! Иначе водила включит платное ожидание, и мы будем платить еще и за каждую минуту промедления. А у меня бюджет не резиновый!

И вся наша колоритная процессия, гремя каблуками и шурша пакетами, вывалилась в темный подъезд.

Глава 5. Такси

Мы вышли из дверей подъезда в густую чёрную ночь. Подъехавшее такси было маленьким, а нас — целых пятеро. Я сразу поняла, что мест на всех не хватит, и сейчас начнётся что-то вроде шуточной борьбы на выживание. Пока я только соображала, Люба со своей слипшейся и намертво забрызганной лаком чёлкой лихо растолкала остальных девчонок и первая полезла в «бричку». После неё свободного пространства сзади осталось совсем немного. С одной стороны от неё уселась Оксана, а со второй быстро и ловко примостилась я.

Я уже мысленно ликовала, радуясь собственной хитрости и проворности, но ровно до того момента, как ощутила жуткую общую духоту в салоне. Нагретый воздух мгновенно сдавил лёгкие, и к горлу противно подкатила тошнота. На переднее сиденье, поближе к водителю, грациозно вскарабкалась Наташа в своей экстремально короткой юбчонке и с ресницами-опалами.

И тут меня накрыло. Ни с того ни с сего я почувствовала дикую усталость. Захотелось спать. Весь мой недавний игривый пыл сняло как рукой от этого резкого переутомления. В голове мелькнула спасительная мысль: просто попрощаться с девочками, вылезти из машины и поехать домой отдельно. Но не тут-то было...

В моё бедро внезапно вдавилось чужое колено: девятнадцатилетняя студентка Катя решила, что лучшего и более удобного кресла во всём такси ей просто не найти. Без лишних церемоний она нагло втиснулась прямо ко мне на колени, окончательно припечатав меня к сиденью и лишив последней возможности сбежать.

Сам салон авто вдобавок сотрясаясь от оглушительного баса — играла композиция Бутырки "Аттестат в крови" (ну надо же!). Наш извозчик, оглянувшись назад и пытаясь перекричать сабвуфер, недовольно буркнул:

— Девочки, я, конечно, все понимаю: молодость, но если гаишники увидят этот «Тетрис» в салоне, мне права на гвоздь вешать?

— Не нужно ничего вешать! — пьяно отмахнулась Люба-Ждун, поправляя сползающую лямку кофты. — С нами адвокат едет, она порешает все вопросы с ГАИ.

— Ага, — прошептала я, приоткрыв один глаз. — Как только наработает опыт и получит лицензию, а не статус свидетеля по делу...

Но этого не услышал никто.

К тому же было бы неплохо предупредить моих соседок о том, правонарушение даже в присутствии адвоката является правонарушением.

Люба цинично хмыкнула и пихнула меня локтем:

- Ты там как? Живая вообще?

- Пока не думала об этом, - не растерялась я.

Наташа, сидевшая на переднем пассажирском сиденье, царственным жестом махнула водителю:

— Тогда, дядя... Трогай!

Водитель, решив, что это руководство к более интимным действиям, недолго думая, уверенно положил руку Наташе на бедро.

— Я имела в виду бричку свою трогай! — рывкнула та, с размаху отбивая его клешню.

Машина резко дернулась с места. Катя от неожиданности затылком впечаталась в потолок, а Люба своей пятой точкой еще сильнее припечатала меня к дверце автомобиля. На какую-то долю секунды Наташа обернулась, взглядела в моё лицо и покачала головой — мою мертвенную бледность не спасал даже золотой кладбищенский глиттер.

— Да не волнуйся ты так, — попыталась «успокоить» меня она. — Ты, наверное, думаешь, что в это время патрулирует милиция? Да кому мы вообще нужны?

- Нет, но, спасибо, теперь думаю ещё и об этом...

Наташа издевательски улыбнулась, как будто специально напомнила о правонарушении ещё раз.

От греха подальше я пригнулась пониже и вжалась в Любу:

— Ну не знаю... Может, нарушение зафиксируют камеры...

— Какие еще камеры? — удивилась Наташа.

Я взглядом указала в окно, на столб у перекрестка:

— Да вот хотя бы эти. Люба попыталась высунуться, но наткнулась на пышную шевелюру нашей главной тусовщицы:

— Не могу рассмотреть: там Катя всё загородила.

Последняя, услышав свое имя, тут же принялась судорожно поправлять волосы перед зеркалом заднего вида:

— Камеры?.. А я хорошо выгляжу?

— Для правонарушителя — идеально... Обычно они выглядят похуже, — пробормотала я, чувствуя, как машина подлетает на очередном лежащем полицейском.

Тем временем Наташа впереди уже вытащила свой навороченный айфон, включила фронталку со вспышкой и начала снимать всё происходящее в сторис.

— Привет всем, мои подписчики! А сейчас я и мои друзья едем ОТРЫВАТЬСЯ! — дико закричала она в экран, наложив фильтр с летающими сердечками

Я увидела эту вакханалию в телефоне и еще глубже вжалась лицом в мягкий, пахнущий духами бок Любы, мечтая только об одном — быстрее уснуть...

Когда я открыла глаза, перед собой сразу же увидела студенческую аудиторию. Я сидела за первой партой в компании своих одноклассниц.

— У нас молодой, симпатичный преподаватель, — заговорщически шептала Катя. — Говорят, очень строго пытается всех на зачетах.

— Ну, с таким и я согласна попытаться, и не один раз, — хмыкнула Наташа.

Я ощутила странное эмоциональное возбуждение. В груди появилось предвкушение того, как он сейчас войдёт в наш зал. Конечно, мне отчаянно хотелось понравиться ему сразу. Почти всегда молодые симпатичные преподаватели действовали на меня как мощный мотиватор к обучению и чтению параграфов. Мне безумно хотелось обратить на себя его внимание.

«Нет, эти девочки мне не конкурентки», — высокомерно подумала Я. И тут меня прошиб холодный пот. Кажется, я забыла параграф... Чёрт возьми! Господи, а если он вызовет именно меня?!

Я испытала дикий страх и испуг. Повернулась к Наташе, а та уже вовсю повторяла домашнее задание, уверенно перебирая формулировки пухлыми губами. Мое сердце забилось еще быстрее. Его пока нет. Я успею, я должна успеть запомнить хоть что-то из текста! Но где же мой учебник?!

И тут дверь распахнулась. Входит он. Жгучий брюнет. Синие глаза, отточенные скулы, аккуратно выглаженный, дорогой деловой костюм...Едрит-Мадрид, Нарциссенко!

«Сейчас он поймёт, что в университете я тоже училась кое-как, — в панике пронеслось в моей голове. — Поймёт, почему я заключила с ним договор на отпевание: я просто не готовилась к занятиям...»

Он медленно провёл пальцем со своим широкой формы, идеальным чистым ногтем по страницам журнала.

«Только не я... Только не я!» — молилась я про себя. Наташа рядом даже не думала тянуть руку. Её первый параграф я умышленно не читала, понадеявшись на её решимость.

Преподаватель поднял взгляд и посмотрел точно в мою сторону:

— Ну что, Лика Валерьевна? Начнём с вас. Первый вопрос: "Целевое назначение земельных участков"

Я сидела как вкопанная и не могла двинуться с места. Шок, стресс, полная паника. Только не вздумай ляпнуть про похоронную деятельность...

И тут Люба с силой толкнула меня в бок, чтобы я наконец поднялась и пошла к доске отвечать:

— Ну ты что? Вставай... Иначе дальше будешь платить по тарифу сама!

Я вздрогнула и открыла глаза. Передо мной был не юрфак, а лобовое стекло машины. На заднем сиденье рядом со мной сидела Люба и сердито трясла меня за плечо. Я не сразу сообразила, где нахожусь. А когда до меня дошло, поняла: всё ещё хуже. Моё унылое бодрствование продолжается, хотя я, кажется, уже совсем того не хочу... Мне срочно нужно отоспаться и решать вопросы жизни и чести.

Глава 6. Парацельс

Когда мы вошли в "Парацельс", я сразу же увидела перед собой кассу с охранным турникетом, прямо как в метро или в каком-нибудь техникуме. «О, так это мероприятие ещё и платное», — подумала я и достала свою карту. Знала бы, что провинциальный клуб берет с девушек сбор за вход, то ни за что не пришла бы сюда. Кассирша напомнила мне продавщицу в студенческой столовой, и сразу же весь пафос мероприятия сошёл на нет.

«Хорошо, что я пьяна: завтра даже не вспомню, за что платила», — думала я и посеменила следом за своими соседками в ожидании приключений. Вся эта толпа сразу же ворвалась в туалет и скучковалась у огромного, во весь рост, красивого зеркала. Катя сразу захотела сделать селфи, но все ждали, пока Люба уложит свою непослушную излишне прилизанную чёлку, которая теперь больше всего напоминала раздвинутые школьные жалюзи.

Я заметила, что то ли от алкоголя, то ли от длительной поездки, то ли от тепла помещения меня опять молниеносно растащило и начало клонить в сон.

«М-да, оторва. Ничего и не скажешь...»

А ведь как только выезжала из дома, сразу надеялась на веселье, на некое приключение, которое отвлечет меня от мыслей об Игоре...

"Зачем я только запомнила его имя?"

Когда наша компания двинулась на танцпол, мы увидели, что он пуст. Люди при деньгах, намеревавшиеся в эту ночь гульнуть на широкую ногу, рассредоточились по ресторанным столикам, где всюду доводили себя до кондиции.

Катя густо покраснела, как будто стыдилась нашей компании, горделиво отошла в сторону, а затем и вовсе скрылась в зоне бара.

Люба почти ничего не заметила, плюхнула свою огромную сумку прямо на пол и пустилась в пляс. Создавалась такое ощущение, что ей и вовсе было все равно под что танцевать. Я же безумно хотела домой.

Постепенно танцпол начал заполняться влюбленными и не только парами и другими угашенными инопланетными существами.

И спустя некоторое время на барной стойке появилась девушка, снявшая свой бюстгальтер прямо во время танца. Я шокированно уставилась на то, как по обе стороны от неё стали извиваться местные охотники, позволявшие себе дерзкие поглаживающие прикосновения к выставленному на обозрение редчайшему в здешних местах экспонату.

«Видимо, она сделала это на спор, — думала я, ибо других логических объяснений у меня не было такому поведению и отношению к своему телу. Но у меня и самой границ не было, я не знала, кто я, как правильно действовать, да и как правильно жить.

Эта девушка оголилась прилюдно, но здесь её не покрыли позором, значит, общество одобряет такое поведение? Значит ли, это что такое поведение — норма? А может, оно норма только в этих стенах, и за их пределами девушка подвергается жесточайшей критике, в основном, лиц мужского пола, бывших здесь, и их вооружённых до зубов благоверных...»

— Смотри внимательно, здесь если тебе чего нальют за чей счёт, ничего не пей. Поняла? — строго приказала Наташа, заметив мой прицельный взгляд в сторону барной стойки.

— Да-а-а.

— Отлично!

Через какое-то время в наш тесный дружеский круг всё-таки вклинилась Катя, и уже с коктейлем. Она что-то весело рассказывала Оксане и Наташе, вызывая у меня лёгкую дружескую ревность или даже раздражительность. Те улыбались и то и дело поглядывали в сторону статного седовласого мужчины у бара. Катя победоносно отпила из трубочки.

«Что общего у девятнадцатилетней студентки и, дай Бог, пятидесятилетнего старца? Как она его охмутила? Что сказала? И выходит, можно здесь пить коктейли бесплатно и без-опасно?» — я обвела её оценивающим взглядом и диву давалась: ноль коротких мини-юбок и оголенных частей тела. Невзрачная серая мышка, но уже с изящным бокалом.

Не успела я опомниться, как захмелевшая Катя подошла ко мне в танце, встала напротив неприлично близко и, сияя от какого-то наглого восторга, внезапно схватила меня за плечи. Она резко, по-гусарски чмокнула меня в щеку, чуть не залив своим напитком. В её дыхании четко улавливались нотки выдержанного ядреного спирта. Я застыла на месте от этого сум-бурного дружеского порыва, не зная, куда деться, и была жутко шокирована происходящим.

Спустя пару минут девчонки засобирались на перекур, и вся компания дружно повалила на улицу. Я осталась на танцполе одна. Мой взгляд невольно метнулся к стойке: того статного седовласого мужчины, который крутился у бара, уже не было. Я топталась на месте в полной растерянности, чувствуя себя глупо и одиноко посреди чужого праздника жизни.

И тут ко мне подошел парень. Кудрявый, с беспорядочной, клочковатой бородой и в чер-ной рубашке. Рубаха сидела на нем как-то небрежно, пуговицы были расстегнуты слишком низко, что сразу напомнило мне о сомнительном контингенте и истинном статусе этого заве-дения.

— Пойдем к бару? — крикнул он, перекрывая музыку, и кивнул в сторону стойки.

— Я не хочу, — попыталась отказаться я, но в этот момент почему-то особенно остро почувствовала, что соседки меня просто бросили. Стоять посреди пустеющего зала в одиночку было невыносимо неловко, и я, сдавшись, поплелась следом за ним. За стойкой стоял молодой бармен в укороченной, вызывающе сексуальной жилетке на голое тело. Мой спутник тут же сделал заказ, назвав какой-то пафосный, гламурный коктейль — «Шелковый Дамский Чулок».

— Я не хочу коктейль... — тихо повторила я, качнув головой.

— А ты не отказывайся! — весело подмигнул кудрявый бармен, ловко крутанув в руке шейкер. — Напиток фирменный, отличный. Я эту гремучую смесь только сегодня придумал, ты первая пробуешь!

Эта фраза парня за стойкой вызвала у меня внезапное умиление. Ладно, черт с ним. Я улыбнулась и согласилась, но выдвинула жесткое условие:

— Хорошо, давай. Но только один! И изготавливается строго у меня на виду.

— Ты что, не доверяешь мне? Думаешь, я подонок какой-то? — хмыкнул бородач в чер-ной рубашке. Его взгляд при этом рассеянно и скользко мазнул по моим обнаженным коленям.

— Расслабься, я угощаю.

— Доверяй, но проверяй, — парировала я с натянутой улыбкой.

В тот же миг парень повернулся к бармену и добавил:

— Мне точно такой же. Тоже хочу попробовать.

«Ну и отлично, — пронеслось у меня в голове. — По крайней мере, он не будет лакать из моего бокала. Была у меня подруга, которой ухажер заказал коктейль, а потом сам же его втихаря и вытрубил».

Через минуту всё было готово. Бармен выставил перед нами два потрясающих бокала на тонких ножках. Напиток выглядел завораживающе: нежно-розовая, шелковистая текстура, похожая на жидкий жемчуг, плавно переходила в глубокий ягодный оттенок на самом дне, а сверху все это великолепие венчала плотная сливочная пенка, присыпанная пряными спе-циями. Бокал так и притягивал взгляд, обещая райский вкус. Бородатый кудряш взял свой бокал, сделал приличный глоток и обернулся к танцполу. Там все еще бесновалась та полуго-лая девица. Парень брезгливо поморщился:

— А вообще, знаешь... Я думаю, что благородную девушку в клубе найти просто невоз-можно.

Я тоже перевела взгляд на барную стойку. Картинка принимала по-настоящему пугающий, грязный оборот. Мужчин вокруг раздевшейся дамы становилось всё больше. Они бесцеремонно хватали её, гладили, массировали плечи, а кто-то уже нагло совал руки ей под ремень штанов. Я тяжело вздохнула. Внутри, где-то в самом низу живота, отозвалась странная, тягучая вибрация, а в коленях разлилась тяжелая горечь.

— Тогда что же ты сам здесь делаешь, если ищешь благородную? — спросила я, повернувшись к нему.

— Друг привёл за компанию, чисто случайно, — примирительно поднял он свободную руку. — Первый раз здесь, решил зайти посмотреть. А тут ты... — его взгляд опять масляно опустился ниже уровня моих глаз. — Взяла и сломала все мои шаблоны.

Я отчетливо ощущала откровенную фальшь в его приторно-сладких речах. Сделав глоток, я поняла, что коктейль капроновой сеточкой увяз на моем языке, оставляя странное терпкое послевкусие. Не иначе, сверху была корица...

— А что для тебя вообще значит слово «благородная»? — прищурилась я.

— Благородная образовано от слов "благой" и "род". Это значит, что она должна быть чистой, невинной. .. Которая подготовлена к быту, умеет хранить семейный очаг, всегда слушается своего мужчину, всегда восхищается им. Это базовый минимум любого мужчины, — выдал он дежурный набор штампов. — Но думаю, ты не такая...

— Ну, в моих глазах и ты не весьма благороден, — хмыкнула я, чувствуя, как алкоголь бьет в голову. — Ведь по-настоящему благородные мужчины в такие места тоже не заходят. Сюда идут только за быстрым удовольствием. Да и что ты можешь приложить такой "благородной даме"? У тебя есть стабильный заработок, дом? "Благородный мужчина" должен обеспечить надёжный тыл, чтоб им восхищалась...

- Всё это будет через три года, - самоуверенно заявил он, утратив уважение и доверие в моих глазах.

" Ещё один. Требуется, при этом завтраками кормит"

Разговор откровенно не клеился. Мощный, тяжелый бит то и дело глушил наши голоса, заставляя переспрашивать и обрывать фразы. Спустя какое-то время из-за спины кудрявого бородача внезапно вынырнула Катя:

- Ты что? Ты хоть видишь, с кем сидишь?! Охламон какой-то .

Она бесцеремонно схватила меня за руку и буквально выволокла из-за барной стойки прямо в центр танцпола — обратно в наш девчачий круг соседок. Но к тому времени я устала от танцев и хотела домой. Видя, что девчонки возвращаться пока не намерены, я пыталась двигаться в такт музыке, и мой блуждающий взгляд опять, словно магнитом, привлекла та безумная девушка на барной стойке.

Глава 7. Уборная

Итак, мой взгляд снова приковало к барной стойке, где двигалась та самая девушка. В полумраке клуба, рассекаемом игривыми лучами неоновых светов, её лица было почти не разглядеть — оно оставалось загадочным, размытым силуэтом. Зато каждая линия её тела казалась подчеркнутой, вызывающей и до предела чувственной. Тонкая бледная талия, плавно переходящая в округлые бедра, мягкие изгибы, утопающие в густых тенях, и влажная от душевного тепла кожа, которая соблазнительно поблескивала при каждой смене ритма. Она двигалась плавно, словно кошка, абсолютно уверенная в своей гипнотической женской привлекательности. Вся её фигура была одним сплошным призывом к действию, дразнящим контрастом между полутьмой и обнаженной эстетикой.

Вокруг неё сразу же с момента её выхода образовалось плотное кольцо мужчин. Местные «охотники» вели себя как хищники, почуявшие легкую добычу, но скованные невидимой границей.

Их взгляды — тяжелые, голодно-вождевые, раздевающие — буквально впивались в её тело. Кто-то из них картинно выпрямлял спину, пытаясь казаться солиднее, кто-то вальяжно поигрывал дорогими часами или крутил в руках стакан с виски с колой, стараясь привлечь её внимание звяканьем льда. Мужчины помоложе бесстыдно сканировали глазами её силуэт снизу вверх, толкая друг друга локтями и обмениваясь плотоядными ухмылками. Они буквально пожирали её глазами, жадно ловя каждое движение, готовые в любой момент сорваться с места, стоит ей только подать малейший знак.

Вскоре неоновый луч выхватил из толпы одного из мужчин — высокого, уверенного в себе, с хищным блеском в глазах. Он сделал шаг вперед, нарушая невидимую границу, и подошел к ночной танцовщице вплотную. Его ладонь — крупная, горячая — медленно опустилась на её тонкую талию. От этого контраста грубой мужской силы и её хрупкого, влажного от танца тела у окружающих перехватило дыхание. Мужчина не спешил. Он мягко, но властно зафиксировал её бедро, подстраиваясь под её изящный завораживающий ритм. Его пальцы слегка сжались, оставляя невидимые ожоги на обнаженной коже, а губы наклонились к её шее, выдыхая слова, которые потонули в грохоте басов.

Девушка не оттолкнула его. Она лишь изогнула спину, дразняще откинув голову назад, позволяя его рукам скользить выше, к изгибу ребер, превращая это случайное прикосновение в грязный, но чертовски красивый приватный танец прямо на глазах у толпы. Реакция мужчин вокруг изменилась мгновенно. По мужской массе прокатился глухой ропот, а те, кто стоял ближе, сжали кулаки и резко осушили свои бокалы. Градус пошлости и раскованности в клубе взлетел, мужчины начали активнее подзывать барменов и громче смеяться. Те, кто помоложе, стали двигаться ближе, буквально гипнотизируя взглядом чужие руки на её теле.

К сожалению, эта пикантная сцена у барной стойки подействовала и на меня как мощный электрический разряд. Внутри мгновенно смешался коктейль из полярных, сбивающих с толку эмоций, от которых перехватило дыхание.

Сначала на меня резко накатил волна чистого ступора: я никогда не видела столь откровенной сцены так близко, буквально на расстоянии вытянутой руки. Публичность этого прикосновения, то, с какой легкостью незнакомец присвоил себе чужое тело под прицелом десятков глаз, буквально парализовало меня.

Но уже в следующий миг шок сменился жадным, непреодолимым интересом. Я ловила себя на том, что просто не могу заставить себя отвернуться. Мне хотелось рассмотреть каждую деталь: как именно его пальцы сжимают её кожу, как прогибается её спина, и что чувствует женщина, которая прямо сейчас подчиняет себе волю всех мужчин в этом зале. Это было запретное, гипнотическое зрелище. Однако самым пугающим чувством стал внезапный

жар, разлившийся внизу живота. Пульс бешено застучал в висках, а дыхание стало рваным и поверхностным. Чужая дикая страсть и плотное, тягучее напряжение вокруг стойки заразили меня, заставляя кожу покрыться мурашками.

Жар, разгоревшийся внутри, мгновенно сменился ледяной волной стыда. Мои щеки вспыхнули, а к горлу подступил ком.

"Что я делаю? На что я смотрю? Это было неправильно, вульгарно, за гранью приличия — подглядывать за чужими телами посреди переполненного клуба. Но, может быть, и правда хорошо, что клуб переполнен, здесь относительно темно, и взгляды всех устремлены к бару? Так можно незаметно созерцать нечто запретное, ранее порицаемое, вызывающее, не становясь непосредственным участником разворачивавшейся вакханалии. Но черт возьми! Каждое прикосновение мужчин к этой девушке отзывалось дрожью в моем собственном теле и странной пульсацией ниже, в зоне нахождения этой чёртовой неприлично короткой кружевной юбки".

В тот момент мой разум стыдливо кричал: «Отвернись!», но тело наотрез отказалось повиноваться. Я замерла, боясь сделать даже вдох, чтобы не разрушить это порочное наваждение. Взгляд, вопреки здравому смыслу, намертво прирос к интимным, нежным, порой грубым касаниям. Рука мужчины скользнула чуть выше, очерчивая ребра девушки, и я буквально кожей почувствовала это движение — медленное, властное, собственническое. Стыд обжигал изнутри, смешиваясь с чистым, концентрированным желанием видеть больше, а возможно, забыться и присоединиться, чтобы упасть с невидимого порочного пьедестала в сладкое тактильное небытие.

Наблюдать за тем, как тело девушки выгибается навстречу мужской ладони, стало моей постыдной потребностью. Внутренний запрет только подливал масла в огонь. Каждое новое прикосновение незнакомца отзывалось во мне фантомным, тягучим импульсом, от которого слабели колени. Воздух вокруг стал слишком густым, а басы трека, казалось, вибрировали прямо у меня под кожей, подстраиваясь под бешеный ритм сердца.

Это было мучительно прекрасно: стоять в шаге от чужого греха, сгорать от стыда, но всем существом желать, чтобы эта сцена не заканчивалась, представляя на этой стойке вместо девушки саму себя. Чтобы напряжение, достигшее своего апогея, наконец взорвалось во что-то большее. Но и это большее нельзя было продемонстрировать здесь.

Это слабость. Это уязвимость. Это компромат для моей юридической будущности.

Поэтому я решила удалиться в уборную, привести себя в порядок, охладить пыл. Однако мои ноги слушались плохо — алкоголь вперемешку с диким, постыдным возбуждением от увиденного танца начисто лишили меня координации.

Я почти ввалилась в прохладное, залитое приглушенным светом пространство туалетной комнаты. Пошевелиться не было сил. Позади осталась безумная парочка на барной стойке, но их порочная энергия продолжала сжигать меня изнутри. Сердце бешено колотилось, а по шее, щекоча чувствительную кожу, медленно скатилась капля пота. Я оперлась о холодный край раковины, пытаюсь перевести дыхание, как вдруг зеркало уловило быстрое движение. Дверь за спиной беззвучно закрылась.

Прежде чем я успела обернуться, из полумрака соткался силуэт седовласого мужчины в угольно-черной шелковой рубашке. Пространство между нами исчезло в одно мгновение. Его крупная, горячая ладонь уверенно легла на мою талию, и сильным, неоспоримым движением он вжал меня спиной в свое тело. Натянутая ткань его рубашки обожгла мою обнаженную спину. Из-за нарушенной координации я лишь слабо качнулась, полностью теряя контроль и послушно принимая его форму.

Вторая рука незнакомца, пугающе элегантная и дерзкая, скользнула по тонкому кружеву моей вычурной юбки, заставляя ткань с тихим шорохом собираться складками у бедер. Его пальцы неумолимо продвигались вверх, стремясь проникнуть под подол. С каждым сантиметром этого движения воздух в комнате становился все гуще. Опасная неожиданная близость

заставила меня замереть, затаив дыхание. Его губы приблизились к моему уху. Жесткая, колючая щетина слегка задела мою пылающую щеку, вызывая мгновенный разряд мурашек по всему телу.

— Тебе нравится? — прозвучал низкий, вибрирующий шепот прямо в шею. Я не видела его лица, но эта властная ладонь уже проскользнула под юбку. Нагретые пальцы медленно, круговыми движениями огладили мои колени и, не терпя возражений, стремительно направились выше, к самому сокровенному, заставляя время вокруг нас окончательно остановиться.

- Нет, - попыталась вырваться я из его плена.

- Врешь, - он силой прижал меня к себе, - я видел, как ты смотрела. Ты совсем мокренькая... Не стесняйся, здесь никого. Никто не узнает... Просто получай удовольствие.

В этот миг я отчетливо, всем телом ощутила сквозь тонкую ткань юбки жесткое, требовательное давление того, что скрывалось у него в штанах. Накатила паника. Я попыталась рвануться вперед, упереться руками в раковину, но его дерзкая ладонь безжалостно проскользнула дальше, сминая кружево и нарушая все мыслимые барьеры. Меня окутал едкий, отравляющий запах виски с колой, исходивший от него. Это горячее, алкогольное дыхание за моей спиной буквально пьянило, перекрывая кислород и лишая остатков сил. Я отчаянно упиралась, но от бессилия и дурноты все попытки казались жалкими...

— Оставь её, девушка пришла со мной. Резкий, холодный голос разрезал полумрак туалетной комнаты. В дверях стоял брюнет в красной байке. Его сине-голубые глаза горели опасным, ледяным блеском.

— Не верю, — процедил мужчина в черной рубашке, однако его хватка на моей талии ослабла, и он неохотно сделал шаг назад. — А если и да, не стоит оставлять её одну...

Брюнет в красной байке сделал шаг вперед и угрожающе, сверху вниз посмотрел на моего интимного экзекутора. Этот взгляд был настолько тяжелым и обещающим расправу, что мужчина в черном заметно испугался. Стушевавшись, он напоследок вульгарно-демонстративно, испытывая от этого жеста особое наслаждение, какое получаешь, поглощая мороженое в самый сильный летний зной, лизнул свой палец, ухмыльнулся и вальяжно-гордой походкой вышел из помещения, постепенно растворяясь в коридоре.

— Придурок, — негромко бросил ему вслед мой спаситель, а затем повернулся ко мне:

— Все в порядке?

В этот момент мой рассудок окончательно помутнел. Стены комнаты поплыли, земля ушла из-под ног, и я начала стремительно падать. Мужчина среагировал мгновенно — его сильные руки подхватили меня, удерживая от удара о холодный пол. На мгновение я утонула в его невероятных, пронзительно-голубых глазах. Лицо казалось до боли знакомым, но алкогольный туман и пережитый шок не давали зацепиться за мысль.

— А Вы мне кого-то напоминаете, — прошептала я, цепляясь за его плечи, — но я не могу вспомнить кого...

— Если не можешь, значит, не нужно... — его голос звучал успокаивающе. — Ты здесь одна?

— С подругами, — сознание уплывало, чувство жгучего стыда перед парнем заставляло немедленно скрыться с места преступления и полностью забыться... Нужно перевести тему разговора...

— Мне бы решить вопрос с отпеванием клиента...

— Тебе нужно немного поспать.

— Вы не понимаете, я похоронила крупного нарцисса... — мысли путались в узел.

— Появится новый.

— Нет, она меня не простит...

Это было последнее, что я успела сказать. К горлу резко подступила тошнотворная судорога, желудок вывернуло наизнанку. В ту же секунду мир вокруг окончательно померк, и меня накрыла плотная черная пелена.

Глава 8. Допрос

Следователь молчал уже несколько минут, изучая меня. Он смотрел внимательно, прямо в душу своими выразительными, пугающе пронизательными глазами. Под этим тяжелым, сканирующим взглядом внутри меня стали зарождаться первые пугающие сомнения.

«Он меня в чем-то подозревает... — пронеслось в голове. — На обычного свидетеля так не смотрят. Он смотрит так, будто знает обо мне что-то обличающее, морально неприемлемое, грязное».

Мужчина слегка наклонился вперед, не разрывая зрительного контакта, и ровным, несколько отстраненным голосом начал разъяснять мне права. На одной из фраз он сделал особый, весомый акцент:

— За отказ, уклонение от дачи показаний, а также за дачу заведомо ложных показаний вы можете быть привлечены к уголовной ответственности. Ваши процессуальные права вам понятны?

«Ещё как. Я знаю их прекрасно, ещё лучше вашего. Единственное, что отличает меня от большинства других, не прожженных опытом людей — знание этой чертовой внутренней кухни. Именно поэтому, сидя здесь, я должна быть предельно, четко сконцентрирована на каждой формулировке вопросов...»

— Да, понятны, — тихо проблеяла я.

И тут же мысленно выругалась: голос дрогнул, выдавая меня с головой. Ладонки неожиданно вспотели, став влажными и холодными.

— Отлично, — следователь едва заметно кивнул, его пальцы зависли над клавиатурой.

— Вернемся к событиям вашего тусовочного вечера. Как вы попали в эту компанию? Перечислите всех, кто был вместе с вами в тот вечер.

— Сначала мы были в баре «Парацельс», — я постаралась выровнять дыхание.

— Нас было пятеро: я, две мои соседки — Наташа и Люба, и две незнакомые мне, но знакомые соседкам девушки. Я уже не помню, как их зовут... Они ранее никогда не были у нас. Мы изрядно выпили и ожидали такси. А потом отправились в клуб.

— В том же составе? — его сосредоточенный, цепкий взгляд, казалось, ловил малейшее движение моих ресниц.

— Да.

— Продолжайте. Что происходило в клубе? — спрашивал он, и в тишине кабинета раздался сухой, ритмичный стук клавиш. — Из компании кто-то что-то употреблял? Алкоголь? Наркотики?

— Насколько я знаю, нет... По крайней мере, сами мы этого не делали.

«Помни, ты можешь отвечать только за себя и за свои действия. Не отвечай за других, если не видела конкретно, куда и зачем они отлучались», — в памяти мгновенно пронеслось четкое предупреждение моей начальницы. Она искренне хотела помочь мне, конечно же, за внушительный гонорар и даже предлагала сопровождать в следственный комитет с доплатой. Но я почему-то отказалась от этого безумно заманчивого на первый взгляд предложения и деликатно заплатила ей только за юридическую консультацию перед допросом.

"Да-да, ничего личного, только бизнес. Каждый сам за себя".

— ...Я не могу говорить за других, — добавила я, сглотнув сухой ком, — но сама я ничего... ничего не принимала. По крайней мере, по собственной воле.

Клавиатура резко смолкла. Следователь медленно поднял на меня глаза.

— Что значит это ваше «по собственной воле»? Вас кто-то заставлял что-то употреблять?

— Нет, нет, такого не было, — я поспешно замахала руками, чувствуя, как загоняются в тупик собственные формулировки.

— Я имела в виду... ну, что мне могли чего-то подсыпать в бокал с коктейлем.

— А вы принимали коктейли от посторонних лиц? — следователь буквально уставился на меня, ловя эту зацепку.

— В качестве угощения — да. Но я всегда старалась следить за процессом изготовления у барной стойки.

— Ясно, — мужчина потянулся к лежащей на краю стола папке и достал оттуда глянцевый лист.

— Скажите, вот эта девушка вам знакома?

Он пододвинул ко мне фотоснимок, грубо перепечатанный с фотографии в паспорте. Я увидела знакомые пухлые, вызывающие губы, нарощенные ресницы-опахала и слегка вздрогнула. Сердце пропустило удар. Ладонки за секунду вспотели еще сильнее, скользя по ткани моих джинсов.

— Ну, да... — выдохнула я, силясь сохранить спокойствие. — Но мы не подруги. Я с ней даже напрямую никогда не общалась. Скорее, просто видела и пару раз была в её присутствии... А что... с ней что-то случилось?

Следователь не моргал. Его выразительные глаза застыли, ловя моё каждое мимическое изменение. А его отменный нюх будто оценивал качество выдыхаемого мной тяжёлого воздуха.

— Её убийство мы и расследуем.

Эти пять слов словно оглушительные раскаты грома поразили мой слух. Воздух в кабинете мгновенно кончился. В эту секунду весь мир с грохотом перевернулся в моих глазах с ног на голову. Моё собственное бессмертие, моя базовая безопасность, которые еще час назад казались безусловными и данными мне от природы, отныне были разрушены. Теперь они были шаткими и хрупкими, как неустойчивая платформа над бездной.

— Но я не знала о том, что она убита... — сказала я словно в пустоту.

Для следователя мои слова прозвучали как лай бездомной дворняги — бессмысленный, раздражающий. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он по-прежнему был глубоко разочарован и убежден в том, что мне что-то известно и я просто-напросто темню, пытаюсь спасти собственную шкуру.

— Ну и как вы считаете, кто это сделал и по каким мотивам? — спросила я, тяжело взглотив и попытавшись перехватить инициативу.

— Так, Лика Валерьевна, вопросы здесь задаю я. Извольте отвечать на них, — строго и холодно осадил он меня, даже не подняв глаз от бумаг. Затем он сделал короткую паузу, перелистнул страницу дела и выдал такое, от чего у меня земля ушла из-под ног:

— Скажите, пожалуйста, какова ваша половая ориентация? Гетеро, гомо или би?

Этот вопрос поставил меня в самый сложный тупик, из которого я пока не видела выхода, но все же пыталась вслепую нащупать его.

Когда кто-то чужой, облеченный властью, начинает вслух сомневаться в твоей ориентации, ты и сама ненароком, подсознательно начинаешь судорожно перебирать воспоминания. Перед глазами на миг вспыхнул тот постыдный, обжигающий танец полуобнаженной девушки на барной стойке, от которого я не могла оторвать взгляд. С чего вдруг такие вопросы? Он думает, что я из ревности поспособствовала её гибели? Может, я и приревновала её, но то была дружеская сиюминутная ревность, такая, которая случается, когда этим человеком больше заинтересованы, нежели тобой, когда с ним больше контактируют и веселятся...

— Я не поняла вопроса. Каким образом он относится к делу? — мой голос дрогнул, но я постаралась придать ему твердости.

Следователь медленно поднял голову. Его взгляд, цепкий и давящий, вьелся в моё лицо. Он пододвинул ко мне свеженапечатанный снимок из папки.

— Дело в том, Лика Валерьевна, что девушка, отображенная на снимке, перед смертью была изнасилована сторонним предметом. И этот предмет был найден в вашей комнате. После

допроса мы снимем ваши отпечатки пальцев. Это стандартная процедура, и если вам нечего бояться, то это действие совершенно не доставит вам никаких неудобств.

Внутри меня всё оборвалось. «Этого не может быть... Это шутка какая-то ранняя первоапрельская? Если это розыгрыш, то мне он чертовски не нравится!»

Сердце забило где-то в самом горле, перекрывая воздух.

— Нет, я нормальная, уверенная гетеро! И, поверьте, я не имею к этому всему... вообще никакого отношения! Снимайте, что хотите...

Я изо всех сил попыталась напрячь память, выжать из неё хоть какие-то крупинцы воспоминаний той ночи, но они просто бесследно исчезли. Пустота. Я даже не помнила, чтобы кто-то вообще был со мной в тот вечер в комнате... А если со мной не было никого, то вся вина автоматически ляжет на меня? Голова раскалывалась от дикой боли. Внутри неё стоял невыносимый шум, будто кто-то с бешеной скоростью щёлкал каналы старого радиоприемника, но вместо передач на внутреннем экране сознания выскакивала лишь защитная радужная сетка сломанного телевизора, сопровождаемая сокрушительным, раздражающим ультразвуковым шипением.

Мне стало по-настоящему страшно. Если этот человек напротив с таким серьезным выражением лица говорит о подобных вещах, значит, этот кошмар действительно имел место быть.

— Давайте перейдем к событиям ночи в дорогом элитном коттедже, — следовательно постучал ручкой по столу, возвращая меня в реальность.

— Вы можете уверенно сказать, кто там был и что конкретно вы там делали?

— Нет... Я ничего не помню, — тихо ответила я, глядя на свои дрожащие пальцы.

— Помню только, что мне было очень плохо. Меня тошнило, а потом я, как после хорошей, убойной анестезии, просто провалилась в чёрный квадрат Малевича. Но это случилось ещё в клубе...

«При допросе в качестве свидетеля ты не можешь отказаться от дачи показаний, если вопросы не касаются тебя напрямую. Но если возникает какой-либо дискредитирующий, компрометирующий, скользкий вопрос, ты всегда можешь использовать технику "я не помню"», — опять всплыли в моем подсознании платные слова начальницы. Наверное, это была единственная соломинка, за которую я могла сейчас уцепиться. От советов наставницы, конечно, легче не становилось. Ладонки по-прежнему усиленно потели, оставляя влажные следы на моих коленях. Я испытывала сильнейший, парализующий шок и колоссальное напряжение. Голова как будто медленно нагревалась на чугунной сковородке, а внутри неё раздувался огромный, тяжелый шарик. Он давил на черепную коробку изнутри, безжалостно сжимал мысли и остатки сознания, но абсолютно никак не помогал сконцентрироваться на событиях того рокового дня.

Какого черта там вообще происходило? И при чём здесь, черт возьми, я?!

Глава 9. После клуба

Утро следующего после клуба дня началось точно не с кофе. Голова раскалывалась, гудела, а сознание всё ещё цеплялось за остатки лихорадочного, душного сна...

В эту ночь мне снилось, что я стою прямо на барной стойке, залитой агрессивным неоновым светом, а вокруг ревет толпа. Рядом со мной, подстраиваясь под бешеный ритм музыки, двигалась та самая раскованная полуобнаженная танцовщица из клуба. Всё происходило на глазах у сотен людей, и этот публичный позор сковывал меня изнутри. В какой-то момент девушка оказалась ко мне слишком близко. Она властно перехватила мои ладони, подчиняя своей воле, и резко провела ими по своим плечам, а затем опустила ниже, заставляя меня соучаствовать в этом бесстыдном, чуждом мне танце. Меня захлестнула волна дикого стыда, страха и подсознательного ужаса. Я ведь совсем не такая! Я всегда была по мальчикам, и мысль о подобном контакте казалась чем-то противоестественным и пугающим. Танцовщица подавалась вперёд, её лицо оказалось в сантиметре от моего. Во сне возникло томительное ощущение роковой близости — опасное дыхание губ в губы, стирающее личные границы и заставляющее сердце панически сжаться...

Я проснулась в холодном поту, резко сев на диване. Последствия бурной ночи в клубе накрыли сразу же. Во рту было сухо, словно я всю ночь ела песок, да и закусывала им же. Глазницы пронзила тупая, давящая боль, а в голове царил полная дезориентация — я совершенно не понимала, где нахожусь. Но хуже всего было странное, пугающее ощущение внизу живота. Там, за черным кружевом, чуть выше бедер, ощущалась глухая, ритмичная пульсация. Я чувствовала только её, как будто моё сердце стало биться в другом, более недоступном месте. Тело не врало. Выходит, оно вполне могло жить своей отдельной ночной богемной жизнью, реагируя на пережитый кошмар против моей воли как-то слишком бурно, порочно вожающе, постыдно. От этого осознания становилось жутко. Ещё хуже была мысль о том, что мой мозг никак не контролировал этот импульс: во время сна он активно продуцировал мне этот барный эротический визуал...

Тяжело дыша, я в страхе огляделась по сторонам, пытаюсь зацепиться взглядом за знакомые предметы. Комната была чужой, но на том же самом диване, свернувшись калачиком, мирно спала Люба...

Когда я увидела рядом с собой свою соседку, меня охватила яркая вспышка паники: мы на одном диване?! Как это могло произойти? Она могла что-то увидеть... Она могла что-то узнать... Что-то секретное и неприемлемое обо мне. Мне нужно срочно уйти в свою комнату до её пробуждения. Я не готова узнать о том, что за чертовщина здесь происходила.

Тогда я оценивающе ещё раз поглядела на соседку, чтобы понять в конце концов было между нами что-то или нет, или то был просто страшный, ужасный, кошмарный сон. В то же время, когда меня раздирали тяжелые внутренние переживания, Люба сладко спала, укутавшись в одеяло со всех сторон так плотно, что напоминала египетскую мумию в саркофаге. Из этого кокона выдавалась только её выдающаяся, пышная пятая точка, обтянутая домашними штанами. В довершение картины Люба храпела как исправный паровоз, а её накладная ресница наполовину отклеилась и комично топорщилась в сторону.

Глядя на это зрелище, я немного выдохнула.

"Ну, с ней-то точно ничего не было. Не могла же я в пьяном угаре пристать именно к Любе! В противном случае она бы точно проснулась и устроила скандал, а не спала бы сейчас без задних ног".

Я осторожно поднялась с дивана, преодолевая тошноту. Осмотревшись вокруг, я сразу же не без зависти раздражённо отметила, какая же у Любы хитрая и продуманная натура: её

комната была в разы лучше, просторнее и комфортнее моей, хотя за аренду этой квартиры мы вносили абсолютно одинаковую плату.

"Ладно, сейчас не до жилищных споров", - мигом одёрнула себя я.

Но как только я сделала решительный шаг в сторону, моя нога задела пустую бутылку из-под водки, сиротливо лежавшую на полу. Бутылка с тихим, предательским грохотом пока-тилась по деревянному давно крашеному полу.

— Чёрт... — нервно прошептала я, опасаясь пробуждения соседки.

Пытаясь исправить ситуацию и не разбудить Любу, я бросилась вдогонку, поймала беглянку и тихо, максимально осторожно переставила её в самый дальний угол комнаты. Но было поздно. Храп на диване резко прервался. Люба заворочалась в своём коконе, шумно вздохнула и начала сладко потягиваться, высвобождая руки из одеяла. Её пальцы тут же коснулись лица.

— Чёрт возьми, моя ресница! — тут же раздался её недовольный утренний голос. — А в салоне говорили, что месяц держаться будут... Мошенники!

Люба вздохнула, окончательно отвлеклась от своей быоти-потери и перевела заспанный взгляд на источник шума — на меня.

— А, ты уже проснулась? Это хорошо. Вчера мы, если честно, думали, что тебя потеряли...

— А что вообще случилось вчера? — спросила я, поспешно одёргивая ультракороткую кружевную мини-юбку вниз, чтобы вернуть себе хоть какой-то приличный вид.

Люба приподнялась на локте, её глаза блеснули неподдельным восторгом:

— Тебя вынес из туалета один такой симпатичный парень в красной байке. Ты была уже совсем без сознания. Он же и довёз нас домой на своей машине. Лика, ты себе просто не представляешь, какая это иномарка! Огромная, чёрная, а чёрный кожаный салон буквально кричит об успехе своего владельца. Жаль, что ты дремала и всё проспала. А так могла бы познакомиться с таким шикарным мужчиной...

— Ну извини, я не специально, — буркнула я, чувствуя, как внутри зарождается нехорошее предчувствие. — А как его зовут?

— О, кажется, Игорь... — Люба зажмурилась, вспоминая детали.

«Не может быть... Только не такие совпадения! Это не он, это не мой покойничек Нарциссенко... К тому же, что ему делать в этом людьми забытом клоповнике?» — паника ледяными пальцами сжала моё горло.

— У меня, кстати, даже есть его визитка! — Люба заговорщически подмигнула. — Его фирма занимается элитной недвижимостью, закрытыми инвестициями и аудиторским консалтингом для крупного бизнеса. В общем, крутятся там миллионы, и нам, девочкам, в будущем такие связи очень даже могут понадобиться.

С видом профессионального рыболова с огромным стажем, который достаёт из сетей самый крупный улов, Люба запустила руку в декольте и выудила оттуда... слегка запотевшую визитку. Я взяла её в руки. Карточка была изящной, дорогой, выполненной из тонкого платинового пластика с тиснением. На ней чётко значились строгие символы: «Нарциссенко И. В.»

"Какой кошмар! Мой мир рушился. Он знает, где я вчера была. Он знает, где я живу, с кем, в каких условиях... Позор-то какой!"

Но стоило первому шоку пройти, как включился холодный расчёт: "Так, ладно, успокойся, Лика. Это всего лишь клиент. Тот самый неуловимый клиент, от которого мне кровь из носу нужно получить подпись на правильном образце документа для работы. И эта визитка сейчас — подарок судьбы! Здесь есть его прямой личный номер. Я смогу тихо позвонить ему или написать... Главное сделать это так, чтобы наша мегера-начальница в офисе ничего не услышала".

— Люб, можно я возьму у тебя эту визитку? — я постаралась, чтобы мой голос звучал как можно равнодушнее.

— Вообще-то она платная, — Люба хитро прищурилась.

Я строго вытаращила на неё глаза.

— Ой, да бери, я шучу! — рассмеялась соседка, махнув рукой.

Отлично. План созрел мгновенно: я наберу его прямо сейчас, пока воспоминания о вчерашнем свежи. Я начала судорожно оглядываться по сторонам в поисках своей сумки. Не найдя её в комнате Любы, я инстинктивно шагнула в сторону коридора, чтобы проверить свою комнату, но наткнулась на закрытую, запёртую дверь и растерянно вернулась к дивану:

— Люб... а где моя сумочка? Ключи, телефон?

— Ой, извини... — Люба виновато похлопала глазами. — Они, наверное, остались в клубе. Мы вчера так суетились, что даже не обратили на это внимания, когда тебя забирали.

— В смысле — в клубе?! — у меня едва глаз не дернулся, прямо как у Любы с её ресницей.

— Ну ничего, позвонишь туда с моего телефона, — безмятежно отмахнулась она. — Там везде камеры, администрация найдёт. А если не найдёшь — ну, сделаешь дубликат ключа. У хозяйки квартиры попросишь ещё один экземпляр на день, делов-то.

— Да, делов-то... — выдохнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Вот только мне нужно как-то попасть на работу. А который час?

— Семь пятьдесят девять, — рассеянно бросила Люба, мельком глянув в экран своего телефона. Её растрёпанные после сна волосы и дико топорщащаяся чёлка делали образ ещё более комичным.

"О Боже! Вот так нагло и масштабно я ещё никогда в жизни не опаздывала. Мне нужно в восемь утра быть строго на месте, а у меня в запасе осталась ровно одна минута... Единственный плюс во всём этом кошмаре: начальница до меня хотя бы не дозвонится: телефон-то в клубе. Может, вообще не ходить сегодня на работу? Сказать, что заболела? Но тогда её нужно предупредить, и чем раньше, тем лучше. К тому же, идти туда в этом шлюшеском, вызывающе коротком одеянии — чистое самоубийство. Пока шефиня не знает истинную причину, по которой я, всегда ответственная и исполнительная сотрудница, не явилась на рабочее место, я могу оставаться в её глазах святой мученицей. Ну, скажу, что застряла в туалете с жуткой диареей или ушла с утра в поликлинику. А этот кружевной ремень вместо юбки быстро превратит меня в её глазах в падшую женщину. Впрочем, как бы мне ни хотелось забиться под одеяло, на работу заглянуть стоит. Я ведь накосячила с важным договором. Мне нужно срочно исправить ошибку. Лучше самой обо всём рассказать и по-тихому переделать документ, пока косяк не заметила строгая начальница. И сделать это нужно прямо сейчас, пусть даже ценой собственной репутации из-за внешнего вида..."

— Люба, а у тебя, может, есть какая-нибудь юбка подлиннее, чем эта? — с надеждой спросила я. — Мне на работу сегодня сходить...

— Что-то в шкафу было, — зевнула она.

Люба нехотя поднялась на ноги, подошла к старому скрипучему шкафу, открыла дверцу и выудила оттуда нечто... абсолютно не модное, мешковатое, безразмерное и в жутких цветочках — таких, которые обычно обожают бабушки с фиолетовыми волосами у подъезда.

— Хотя, я думаю, здесь тебе ничего не подойдёт, — критически осмотрев вещь, добавила Люба.

«Я тоже так считаю ...» — разочарованно размышляла я. Если бы одежда была простой, но стильной и модной, её можно было бы как-то обыграть: подколоть булавками, прижать широкой резинкой на талии, сцепить ремнём. А в данном случае не стоило даже пытаться. Из бабочки в шлюшеском мини я превращусь в деревенский цветочек. Зато однозначно вызову жалость, и Нарциссенко подпишет все, что я только дам ему на подпись...

— Здесь всё слишком велико для тебя, — продолжила Люба, заталкивая шедевры бабушкинского кроя обратно в саркофаг.

— Ну ладно, тогда так пойду. Думаю, ничего страшного не случится. Прорвусь.

В этот самый момент в прихожей раздался щелчок, входная дверь в квартиру со скрипом открылась, и на порог буквально вывалилась потрёпанная Наташка. Её чёрные, выжженные паленой хной волосы стояли дыбом, а сама она была в точно таком же вызывающе коротком мини, как и я. Вид у неё был такой, словно она только что вышла из зоны боевых действий, при этом была поражена несколько раз. Мы с Любой синхронно высунулись в коридор, оценивая масштаб катастрофы.

— А эт, видать, хорошо вы вчера потусили! — хмыкнула Люба, опершись о косяк.

— Не совсем... — хриплым, уставшим голосом отозвалась Наташа, разуваясь. — Мы потеряли Катю. На звонки и сообщения она не отвечает вообще. Мы её, считай, по всему городу искали...

— Ну, не волнуйся ты так, — попыталась успокоить её Люба, мгновенно переключившись на режим умудрённой опытом подруги. — Катьку я знаю. Она девка шустрая, проворная, легко найдёт выход из любой задницы. Если к вечеру не выйдет на связь, вот тогда и будем бить тревогу. А сейчас что толку паниковать?

- И то верно, - задумалась Наташа и устало зевнула.

Я молча переводила взгляд с одной подруги на другую, а в руке до боли сжимала платиновую визитку Игоря Нарциссенко. Мой телефон потерян, ключей нет, Катя пропала, на работу я уже опоздала, а на мне кружевная мини-юбка. День обещал быть "незабываемым".

Утро следующего после клуба дня началось точно не с кофе. Голова раскалывалась, гудела, а сознание всё ещё цеплялось за остатки лихорадочного, душного сна...

В эту ночь мне снилось, что я стою прямо на барной стойке, залитой агрессивным неоновым светом, а вокруг ревет толпа. Рядом со мной, подстраиваясь под бешеный ритм музыки, двигалась та самая раскованная полуобнаженная танцовщица из клуба. Всё происходило на глазах у сотен людей, и этот публичный позор сковывал меня изнутри. В какой-то момент девушка оказалась ко мне слишком близко. Она властно перехватила мои ладони, подчиняя своей воле, и резко провела ими по своим плечам, а затем опустила ниже, заставляя меня соучаствовать в этом бесстыдном, чуждом мне танце. Меня захлестнула волна дикого стыда, страха и подсознательного ужаса. Я ведь совсем не такая! Я всегда была по мальчикам, и мысль о подобном контакте казалась чем-то противоестественным и пугающим. Танцовщица подавалась вперёд, её лицо оказалось в сантиметре от моего. Во сне возникло томительное ощущение роковой близости — опасное дыхание губ в губы, стирающее личные границы и заставляющее сердце панически сжаться...

Я проснулась в холодном поту, резко сев на диване. Последствия бурной ночи в клубе накрыли сразу же. Во рту было сухо, словно я всю ночь ела песок, да и закусывала им же. Глазницы пронзила тупая, давящая боль, а в голове царила полная дезориентация — я совершенно не понимала, где нахожусь. Но хуже всего было странное, пугающее ощущение внизу живота. Там, за черным кружевом, чуть выше бедер, ощущалась глухая, ритмичная пульсация. Я чувствовала только её, как будто моё сердце стало биться в другом, более недоступном месте. Тело не врало. Выходит, оно вполне могло жить своей отдельной ночной богемной жизнью, реагируя на пережитый кошмар против моей воли как-то слишком бурно, порочно вожающе, постыдно. От этого осознания становилось жутко. Ещё хуже была мысль о том, что мой мозг никак не контролировал этот импульс: во время сна он активно продуцировал мне этот барный эротический визуал...

Тяжело дыша, я в страхе огляделась по сторонам, пытаясь зацепиться взглядом за знакомые предметы. Комната была чужой, но на том же самом диване, свернувшись калачиком, мирно спала Люба...

Когда я увидела рядом с собой свою соседку, меня охватила яркая вспышка паники: мы на одном диване?! Как это могло произойти? Она могла что-то увидеть... Она могла что-то

узнать... Что-то секретное и неприемлемое обо мне. Мне нужно срочно уйти в свою комнату до её пробуждения. Я не готова узнать о том, что за чертовщина здесь происходила.

Тогда я оценивающе ещё раз поглядела на соседку, чтобы понять в конце концов было между нами что-то или нет, или то был просто страшный, ужасный, кошмарный сон. В то же время, когда меня раздирали тяжелые внутренние переживания, Люба сладко спала, укутавшись в одеяло со всех сторон так плотно, что напоминала египетскую мумию в саркофаге. Из этого кокона выдавалась только её выдающаяся, пышная пятая точка, обтянутая домашними штанами. В довершение картины Люба храпела как исправный паровоз, а её накладная ресница наполовину отклеилась и комично топорщилась в сторону.

Глядя на это зрелище, я немного выдохнула.

"Ну, с ней-то точно ничего не было. Не могла же я в пьяном угаре пристать именно к Любе! В противном случае она бы точно проснулась и устроила скандал, а не спала бы сейчас без задних ног".

Я осторожно поднялась с дивана, преодолевая тошноту. Осмотревшись вокруг, я сразу же не без зависти раздражённо отметила, какая же у Любы хитрая и продуманная натура: её комната была в разы лучше, просторнее и комфортнее моей, хотя за аренду этой квартиры мы вносили абсолютно одинаковую плату.

"Ладно, сейчас не до жилищных споров", - мигом одёрнула себя я.

Но как только я сделала решительный шаг в сторону, моя нога задела пустую бутылку из-под водки, сиротливо лежавшую на полу. Бутылка с тихим, предательским грохотом покатилась по деревянному давно крашенному полу.

— Чёрт... — нервно прошептала я, опасаясь пробуждения соседки.

Пытаясь исправить ситуацию и не разбудить Любу, я бросилась вдогонку, поймала беглянку и тихо, максимально осторожно переставила её в самый дальний угол комнаты. Но было поздно. Храп на диване резко прервался. Люба заворочалась в своём коконе, шумно вздохнула и начала сладко потягиваться, высвобождая руки из одеяла. Её пальцы тут же коснулись лица.

— Чёрт возьми, моя ресница! — тут же раздался её недовольный утренний голос. — А в салоне говорили, что месяц держаться будут... Мошенники!

Люба вздохнула, окончательно отвлеклась от своей быоти-потери и перевела заспанный взгляд на источник шума — на меня.

— А, ты уже проснулась? Это хорошо. Вчера мы, если честно, думали, что тебя потеряли...

— А что вообще случилось вчера? — спросила я, поспешно одёргивая ультракороткую кружевную мини-юбку вниз, чтобы вернуть себе хоть какой-то приличный вид.

Люба приподнялась на локте, её глаза блеснули неподдельным восторгом:

— Тебя вынес из туалета один такой симпатный парень в красной байке. Ты была уже совсем без сознания. Он же и довёз нас домой на своей машине. Лика, ты себе просто не представляешь, какая это иномарка! Огромная, чёрная, а чёрный кожаный салон буквально кричит об успехе своего владельца. Жаль, что ты дремала и всё проспала. А так могла бы познакомиться с таким шикарным мужчиной...

— Ну извини, я не специально, — буркнула я, чувствуя, как внутри зарождается нехорошее предчувствие. — А как его зовут?

— О, кажется, Игорь... — Люба зажмурилась, вспоминая детали.

«Не может быть... Только не такие совпадения! Это не он, это не мой покойничек Нарциссенко... К тому же, что ему делать в этом людьми забытом клоповнике?» — паника ледяными пальцами сжала моё горло.

— У меня, кстати, даже есть его визитка! — Люба заговорщически подмигнула. — Его фирма занимается элитной недвижимостью, закрытыми инвестициями и аудиторским консалтингом для крупного бизнеса. В общем, крутятся там миллионы, и нам, девочкам, в будущем такие связи очень даже могут понадобиться.

С видом профессионального рыболова с огромным стажем, который достаёт из сетей самый крупный улов, Люба запустила руку в декольте и выудила оттуда... слегка запотевшую визитку. Я взяла её в руки. Карточка была изящной, дорогой, выполненной из тонкого платинового пластика с тиснением. На ней чётко значились строгие символы: «Нарциссенко И. В.»

"Какой кошмар! Мой мир рушился. Он знает, где я вчера была. Он знает, где я живу, с кем, в каких условиях... Позор-то какой!"

Но стоило первому шоку пройти, как включился холодный расчёт: "Так, ладно, успокойся, Лика. Это всего лишь клиент. Тот самый неуловимый клиент, от которого мне кровь из носу нужно получить подпись на правильном образце документа для работы. И эта визитка сейчас — подарок судьбы! Здесь есть его прямой личный номер. Я смогу тихо позвонить ему или написать... Главное сделать это так, чтобы наша мегера-начальница в офисе ничего не услышала".

— Люб, можно я возьму у тебя эту визитку? — я постаралась, чтобы мой голос звучал как можно равнодушнее.

— Вообще-то она платная, — Люба хитро прищурилась.
Я строго вытаращила на неё глаза.

— Ой, да бери, я шучу! — рассмеялась соседка, махнув рукой.

Отлично. План созрел мгновенно: я наберу его прямо сейчас, пока воспоминания о вчерашнем свежи. Я начала судорожно оглядываться по сторонам в поисках своей сумки. Не найдя её в комнате Любы, я инстинктивно шагнула в сторону коридора, чтобы проверить свою комнату, но наткнулась на закрытую, запёртую дверь и растерянно вернулась к дивану:

— Люб... а где моя сумочка? Ключи, телефон?

— Ой, извини... — Люба виновато похлопала глазами. — Они, наверное, остались в клубе. Мы вчера так суетились, что даже не обратили на это внимания, когда тебя забирали.

— В смысле — в клубе?! — у меня едва глаз не дернулся, прямо как у Любы с её ресницей.

— Ну ничего, позвонишь туда с моего телефона, — безмятежно отмахнулась она. — Там везде камеры, администрация найдёт. А если не найдёшь — ну, сделаешь дубликат ключа. У хозяйки квартиры попросишь ещё один экземпляр на день, делов-то.

— Да, делов-то... — выдохнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Вот только мне нужно как-то попасть на работу. А который час?

— Семь пятьдесят девять, — рассеянно бросила Люба, мельком глянув в экран своего телефона. Её растрёпанные после сна волосы и дико топорщащаяся чёлка делали образ ещё более комичным.

"О Боже! Вот так нагло и масштабно я ещё никогда в жизни не опаздывала. Мне нужно в восемь утра быть строго на месте, а у меня в запасе осталась ровно одна минута... Единственный плюс во всём этом кошмаре: начальница до меня хотя бы не дозвонится: телефон-то в клубе. Может, вообще не ходить сегодня на работу? Сказать, что заболела? Но тогда её нужно предупредить, и чем раньше, тем лучше. К тому же, идти туда в этом шлюшеском, вызывающе коротком одеянии — чистое самоубийство. Пока шефиня не знает истинную причину, по которой я, всегда ответственная и исполнительная сотрудница, не явилась на рабочее место, я могу оставаться в её глазах святой мученицей. Ну, скажу, что застряла в туалете с жуткой диареей или ушла с утра в поликлинику. А этот кружевной ремень вместо юбки быстро превратит меня в её глазах в падшую женщину. Впрочем, как бы мне ни хотелось забиться под одеяло, на работу заглянуть стоит. Я ведь накосычила с важным договором. Мне нужно срочно исправить ошибку. Лучше самой обо всём рассказать и по-тихому переделать документ, пока косяк не заметила строгая начальница. И сделать это нужно прямо сейчас, пусть даже ценой собственной репутации из-за внешнего вида..."

— Люба, а у тебя, может, есть какая-нибудь юбка подлиннее, чем эта? — с надеждой спросила я. — Мне на работу сегодня сходить...

— Что-то в шкафу было, — зевнула она.

Люба нехотя поднялась на ноги, подошла к старому скрипучему шкафу, открыла дверцу и выудила оттуда нечто... абсолютно не модное, мешковатое, безразмерное и в жутких цветочках — таких, которые обычно обожают бабушки с фиолетовыми волосами у подъезда.

— Хотя, я думаю, здесь тебе ничего не подойдёт, — критически осмотрев вещь, добавила Люба.

«Я тоже так считаю ...» — разочарованно размышляла я. Если бы одежда была простой, но стильной и модной, её можно было бы как-то обыграть: подколоть булавками, прижать широкой резинкой на талии, сцепить ремнём. А в данном случае не стоило даже пытаться. Из бабочки в шлюшеском мини я превращусь в деревенский цветочек. Зато однозначно вызову жалость, и Нарциссенко подпишет все, что я только дам ему на подпись...

— Здесь всё слишком велико для тебя, — продолжила Люба, заталкивая шедевры бабушкинского кроя обратно в саркофаг.

— Ну ладно, тогда так пойду. Думаю, ничего страшного не случится. Прорвусь.

В этот самый момент в прихожей раздался щелчок, входная дверь в квартиру со скрипом открылась, и на порог буквально вывалилась потрёпанная Наташка. Её чёрные, выжженные паленой хной волосы стояли дыбом, а сама она была в точно таком же вызывающе коротком мини, как и я. Вид у неё был такой, словно она только что вышла из зоны боевых действий, при этом была поражена несколько раз. Мы с Любой синхронно высунулись в коридор, оценивая масштаб катастрофы.

— А эт, видать, хорошо вы вчера потусили! — хмыкнула Люба, опершись о косяк.

— Не совсем... — хриплым, уставшим голосом отозвалась Наташа, разуваясь. — Мы потеряли Катю. На звонки и сообщения она не отвечает вообще. Мы её, считай, по всему городу искали...

— Ну, не волнуйся ты так, — попыталась успокоить её Люба, мгновенно переключившись на режим умудрённой опытом подруги. — Катку я знаю. Она девка шустрая, проворная, легко найдёт выход из любой задницы. Если к вечеру не выйдет на связь, вот тогда и будем бить тревогу. А сейчас что толку паниковать?

- И то верно, - задумалась Наташа и устало зевнула.

Я молча переводила взгляд с одной подруги на другую, а в руке до боли сжимала платиновую визитку Игоря Нарциссенко. Мой телефон потерян, ключей нет, Катя пропала, на работу я уже опоздала, а на мне кружевная мини-юбка. День обещал быть "незабываемым".

Утро следующего после клуба дня началось точно не с кофе. Голова раскалывалась, гудела, а сознание всё ещё цеплялось за остатки лихорадочного, душевного сна...

В эту ночь мне снилось, что я стою прямо на барной стойке, залитой агрессивным неоновым светом, а вокруг ревет толпа. Рядом со мной, подстраиваясь под бешеный ритм музыки, двигалась та самая раскованная полуобнаженная танцовщица из клуба. Всё происходило на глазах у сотен людей, и этот публичный позор сковывал меня изнутри. В какой-то момент девушка оказалась ко мне слишком близко. Она властно перехватила мои ладони, подчиняя своей воле, и резко провела ими по своим плечам, а затем опустила ниже, заставляя меня соучаствовать в этом бесстыдном, чуждом мне танце. Меня захлестнула волна дикого стыда, страха и подсознательного ужаса. Я ведь совсем не такая! Я всегда была по мальчикам, и мысль о подобном контакте казалась чем-то противоестественным и пугающим. Танцовщица подавалась вперёд, её лицо оказалось в сантиметре от моего. Во сне возникло томительное ощущение роковой близости — опасное дыхание губ в губы, стирающее личные границы и заставляющее сердце панически сжаться...

Я проснулась в холодном поту, резко сев на диване. Последствия бурной ночи в клубе накрыли сразу же. Во рту было сухо, словно я всю ночь ела песок, да и закусывала им же. Глазницы пронзила тупая, давящая боль, а в голове царил полная дезориентация — я совершенно не понимала, где нахожусь. Но хуже всего было странное, пугающее ощущение внизу живота. Там, за черным кружевом, чуть выше бедер, ощущалась глухая, ритмичная пульсация. Я чувствовала только её, как будто моё сердце стало биться в другом, более недоступном месте. Тело не врало. Выходит, оно вполне могло жить своей отдельной ночной богемной жизнью, реагируя на пережитый кошмар против моей воли как-то слишком бурно, порочно вожающе, постыдно. От этого осознания становилось жутко. Ещё хуже была мысль о том, что мой мозг никак не контролировал этот импульс: во время сна он активно продуцировал мне этот барный эротический визуал...

Тяжело дыша, я в страхе огляделась по сторонам, пытаюсь зацепиться взглядом за знакомые предметы. Комната была чужой, но на том же самом диване, свернувшись калачиком, мирно спала Люба...

Когда я увидела рядом с собой свою соседку, меня охватила яркая вспышка паники: мы на одном диване?! Как это могло произойти? Она могла что-то увидеть... Она могла что-то

узнать... Что-то секретное и неприемлемое обо мне. Мне нужно срочно уйти в свою комнату до её пробуждения. Я не готова узнать о том, что за чертовщина здесь происходила.

Тогда я оценивающе ещё раз поглядела на соседку, чтобы понять в конце концов было между нами что-то или нет, или то был просто страшный, ужасный, кошмарный сон. В то же время, когда меня раздрали тяжелые внутренние переживания, Люба сладко спала, укутавшись в одеяло со всех сторон так плотно, что напоминала египетскую мумию в саркофаге. Из этого кокона выдавалась только её выдающаяся, пышная пятая точка, обтянутая домашними штанами. В довершение картины Люба храпела как исправный паровоз, а её накладная ресница наполовину отклеилась и комично топорщилась в сторону.

Глядя на это зрелище, я немного выдохнула.

"Ну, с ней-то точно ничего не было. Не могла же я в пьяном угаре пристать именно к Любе! В противном случае она бы точно проснулась и устроила скандал, а не спала бы сейчас без задних ног".

Я осторожно поднялась с дивана, преодолевая тошноту. Осмотревшись вокруг, я сразу же не без зависти раздражённо отметила, какая же у Любы хитрая и продуманная натура: её комната была в разы лучше, просторнее и комфортнее моей, хотя за аренду этой квартиры мы вносили абсолютно одинаковую плату.

"Ладно, сейчас не до жилищных споров", - мигом одёрнула себя я.

Но как только я сделала решительный шаг в сторону, моя нога задела пустую бутылку из-под водки, сиротливо лежавшую на полу. Бутылка с тихим, предательским грохотом покатилась по деревянному давно крашенному полу.

— Чёрт... — нервно прошептала я, опасаясь пробуждения соседки.

Пытаясь исправить ситуацию и не разбудить Любу, я бросилась вдогонку, поймала беглянку и тихо, максимально осторожно переставила её в самый дальний угол комнаты. Но было поздно. Храп на диване резко прервался. Люба заворочалась в своём коконе, шумно вздохнула и начала сладко потягиваться, высвобождая руки из одеяла. Её пальцы тут же коснулись лица.

— Чёрт возьми, моя ресница! — тут же раздался её недовольный утренний голос. — А в салоне говорили, что месяц держаться будут... Мошенники!

Люба вздохнула, окончательно отвлеклась от своей быоти-потери и перевела заспанный взгляд на источник шума — на меня.

— А, ты уже проснулась? Это хорошо. Вчера мы, если честно, думали, что тебя потеряли...

— А что вообще случилось вчера? — спросила я, поспешно одёргивая ультракороткую кружевную мини-юбку вниз, чтобы вернуть себе хоть какой-то приличный вид.

Люба приподнялась на локте, её глаза блеснули неподдельным восторгом:

— Тебя вынес из туалета один такой симпатный парень в красной байке. Ты была уже совсем без сознания. Он же и довёз нас домой на своей машине. Лика, ты себе просто не представляешь, какая это иномарка! Огромная, чёрная, а чёрный кожаный салон буквально кричит об успехе своего владельца. Жаль, что ты дремала и всё проспала. А так могла бы познакомиться с таким шикарным мужчиной...

— Ну извини, я не специально, — буркнула я, чувствуя, как внутри зарождается нехорошее предчувствие. — А как его зовут?

— О, кажется, Игорь... — Люба зажмурилась, вспоминая детали.

«Не может быть... Только не такие совпадения! Это не он, это не мой покойничек Нарциссенко... К тому же, что ему делать в этом людьми забытом клоповнике?» — паника ледяными пальцами сжала моё горло.

— У меня, кстати, даже есть его визитка! — Люба заговорщически подмигнула. — Его фирма занимается элитной недвижимостью, закрытыми инвестициями и аудиторским консалтингом для крупного бизнеса. В общем, крутятся там миллионы, и нам, девочкам, в будущем такие связи очень даже могут понадобиться.

С видом профессионального рыболова с огромным стажем, который достаёт из сетей самый крупный улов, Люба запустила руку в декольте и выудила оттуда... слегка запотевшую визитку. Я взяла её в руки. Карточка была изящной, дорогой, выполненной из тонкого платинового пластика с тиснением. На ней чётко значились строгие символы: «Нарциссенко И. В.»

"Какой кошмар! Мой мир рушился. Он знает, где я вчера была. Он знает, где я живу, с кем, в каких условиях... Позор-то какой!"

Но стоило первому шоку пройти, как включился холодный расчёт: "Так, ладно, успокойся, Лика. Это всего лишь клиент. Тот самый неуловимый клиент, от которого мне кровь из носу нужно получить подпись на правильном образце документа для работы. И эта визитка сейчас — подарок судьбы! Здесь есть его прямой личный номер. Я смогу тихо позвонить ему или написать... Главное сделать это так, чтобы наша мегера-начальница в офисе ничего не услышала".

— Люб, можно я возьму у тебя эту визитку? — я постаралась, чтобы мой голос звучал как можно равнодушнее.

— Вообще-то она платная, — Люба хитро прищурилась.
Я строго вытаращила на неё глаза.

— Ой, да бери, я шучу! — рассмеялась соседка, махнув рукой.

Отлично. План созрел мгновенно: я наберу его прямо сейчас, пока воспоминания о вчерашнем свежи. Я начала судорожно оглядываться по сторонам в поисках своей сумки. Не найдя её в комнате Любы, я инстинктивно шагнула в сторону коридора, чтобы проверить свою комнату, но наткнулась на закрытую, запертую дверь и растерянно вернулась к дивану:

— Люб... а где моя сумочка? Ключи, телефон?

— Ой, извини... — Люба виновато похлопала глазами. — Они, наверное, остались в клубе. Мы вчера так суетились, что даже не обратили на это внимания, когда тебя забирали.

— В смысле — в клубе?! — у меня едва глаз не дернулся, прямо как у Любы с её ресницей.

— Ну ничего, позвонишь туда с моего телефона, — безмятежно отмахнулась она. — Там везде камеры, администрация найдёт. А если не найдёшь — ну, сделаешь дубликат ключа. У хозяйки квартиры попросишь ещё один экземпляр на день, делов-то.

— Да, делов-то... — выдохнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Вот только мне нужно как-то попасть на работу. А который час?

— Семь пятьдесят девять, — рассеянно бросила Люба, мельком глянув в экран своего телефона. Её растрёпанные после сна волосы и дико топорщащаяся чёлка делали образ ещё более комичным.

"О Боже! Вот так нагло и масштабно я ещё никогда в жизни не опаздывала. Мне нужно в восемь утра быть строго на месте, а у меня в запасе осталась ровно одна минута... Единственный плюс во всём этом кошмаре: начальница до меня хотя бы не дозвонится: телефон-то в клубе. Может, вообще не ходить сегодня на работу? Сказать, что заболела? Но тогда её нужно предупредить, и чем раньше, тем лучше. К тому же, идти туда в этом шлюшеском, вызывающе коротком одеянии — чистое самоубийство. Пока шефиня не знает истинную причину, по которой я, всегда ответственная и исполнительная сотрудница, не явилась на рабочее место, я могу оставаться в её глазах святой мученицей. Ну, скажу, что застряла в туалете с жуткой диареей или ушла с утра в поликлинику. А этот кружевной ремень вместо юбки быстро превратит меня в её глазах в падшую женщину. Впрочем, как бы мне ни хотелось забиться под одеяло, на работу заглянуть стоит. Я ведь накосячила с важным договором. Мне нужно срочно исправить ошибку. Лучше самой обо всём рассказать и по-тихому переделать документ, пока косяк не заметила строгая начальница. И сделать это нужно прямо сейчас, пусть даже ценой собственной репутации из-за внешнего вида..."

— Люба, а у тебя, может, есть какая-нибудь юбка подлиннее, чем эта? — с надеждой спросила я. — Мне на работу сегодня сходить...

— Что-то в шкафу было, — зевнула она.

Люба нехотя поднялась на ноги, подошла к старому скрипучему шкафу, открыла дверцу и выудила оттуда нечто... абсолютно не модное, мешковатое, безразмерное и в жутких цветочках — таких, которые обычно обожают бабушки с фиолетовыми волосами у подъезда.

— Хотя, я думаю, здесь тебе ничего не подойдёт, — критически осмотрев вещь, добавила Люба.

«Я тоже так считаю ...» — разочарованно размышляла я. Если бы одежда была простой, но стильной и модной, её можно было бы как-то обыграть: подколоть булавками, прижать широкой резинкой на талии, сцепить ремнём. А в данном случае не стоило даже пытаться. Из бабочки в шлюшеском мини я превращусь в деревенский цветочек. Зато однозначно вызову жалость, и Нарциссенко подпишет все, что я только дам ему на подпись...

— Здесь всё слишком велико для тебя, — продолжила Люба, заталкивая шедевры бабушкинского кроя обратно в саркофаг.

— Ну ладно, тогда так пойду. Думаю, ничего страшного не случится. Прорвусь.

В этот самый момент в прихожей раздался щелчок, входная дверь в квартиру со скрипом открылась, и на порог буквально вывалилась потрёпанная Наташка. Её чёрные, выжженные паленой хной волосы стояли дыбом, а сама она была в точно таком же вызывающе коротком мини, как и я. Вид у неё был такой, словно она только что вышла из зоны боевых действий, при этом была поражена несколько раз. Мы с Любой синхронно высунулись в коридор, оценивая масштаб катастрофы.

— А эт, видать, хорошо вы вчера потусили! — хмыкнула Люба, опершись о косяк.

— Не совсем... — хриплым, уставшим голосом отозвалась Наташа, разуваясь. — Мы потеряли Катю. На звонки и сообщения она не отвечает вообще. Мы её, считай, по всему городу искали...

— Ну, не волнуйся ты так, — попыталась успокоить её Люба, мгновенно переключившись на режим умудрённой опытом подруги. — Катьку я знаю. Она девка шустрая, проворная, легко найдёт выход из любой задницы. Если к вечеру не выйдет на связь, вот тогда и будем бить тревогу. А сейчас что толку паниковать?

- И то верно, - задумалась Наташа и устало зевнула.

Я молча переводила взгляд с одной подруги на другую, а в руке до боли сжимала платиновую визитку Игоря Нарциссенко. Мой телефон потерян, ключей нет, Катя пропала, на работу я уже опоздала, а на мне кружевная мини-юбка. День обещал быть "незабываемым".

Глава 10. Офис

Когда железная дверь подъезда с грохотом захлопнулась за моей спиной, остатки утренней решимости мгновенно испарились. Я застыла на крыльце, зажмурившись от непривычно яркого солнца, и в очередной раз потеряла уверенность в том, что мне вообще стоит сегодня идти на работу. В голове завертелся мысленный список причин, по которым мне не следует сегодня идти на работу, и пунктов в нём оказалось катастрофически много.

Во-первых, эта предательски короткая кружевная юбка, которая при каждом шаге норовила подпрыгнуть ещё выше.

Во-вторых, дикое головокружение и подступающая к горлу тошнота.

В-третьих, моё первое, самое значительное и позорное опоздание в жизни. Добавьте к этому помятый, явно не офисный внешний вид, огромный косяк с договором Нарциссенко... Ну и, пожалуй, сам Нарциссенко. Этот мужчина являлся отдельным, самостоятельным косяком, а точнее — уверенно возглавлял целый полк моих жизненных неприятностей.

Я медленно побрела в сторону остановки, придерживая подол рукой. Мысли путались. Как я могла напрочь забыть о том, что видела его вчера?

Но если меня унесло так быстро, значит, мне действительно было плохо. И вот тут крылся главный вопрос: почему? Ведь мне казалось, что я полностью сохраняю контроль над ситуацией, контролирую каждый бокал и веду себя прилично! Наркотики? Слишком дешёвый алкоголь? Или это Игорь что-то подмешал?

Ответов не было. Я нащупала в кармане чужую платиновую визитку. Нужно написать ему. Но когда? Сделать это прямо сейчас, пока я буду ехать в троллейбусе, или подождать?

«Лучше после... — решила я, провожая взглядом подъехавший транспорт. — Гораздо лучше после обеда».

Сначала нужно разобраться с текущим настроением своей начальницы. Сначала нужно посмотреть, насколько "радушно" она меня примет в амплу нарушительницы корпоративного порядка. Пусть позлится, пусть отчитает, если захочет, — да пускай хоть заживо отпеваает за это опоздание и шлюшеский вид! Тем более шаблон договора на услуги струнного квартета у меня уже имеется...

А Игорю я напишу позже. После обеда, когда он покинет наш офис. Я отправлю ему сообщение, слёзно попрошу о встрече для переподписания документов. Это идеальный план: мне не придётся виновно смотреть ему в глаза на виду у начальницы, не придётся унижаться и чувствовать себя некомпетентной простофилей перед всем отделом. А в неформальной обстановке, наедине... Кто знает? Он ведь спас меня вчера. Мужчины в такие моменты могут быть очень даже ласковыми и снисходительными.

Я запрыгнула в затрещавшие двери троллейбуса и ухватила за поручень. До сих пор поверить не могу, что я ехала в его машине! Без сознания, беспомощная, на заднем сиденье его роскошного чёрного авто. Звучит как пьяный бред соседки. Но мне оставалось только верить ей на слово. Зачем Любе меня обманывать? У неё просто не было причин придумывать такую детальную историю про парня в красной байке и дорогую визитку.

Троллейбус резко дёрнулся, и меня обдало волной холодного пота. Впереди маячило здание офиса, и мне предстояло войти туда в виде разбитой похмельем ночной бабочки.

По мере приближения к зеркальному зданию юридической консультации мои щёки стали пылать ярким оранжевым пламенем. Я шла мелкими шажками, поминутно и совершенно тщетно пытаюсь обтянуть вниз эту предательскую кружевную мини-юбку. Ноги неприятно дрожали, как у старичков, злоупотребивших боярышником или чем иным да покрепче. Они бы и рады были прямо сейчас развернуться в обратном направлении — домой, в тепло, в комфорт, но ведь и комфорта у меня больше не было: дверь в арендованную комнату закрыта наглухо. Нужно было искать ключ, а ключ остался в сумке, сумка — в клубе, а сам клуб — у чёрта на куличиках.

И какой чёрт дёрнул меня поехать туда веселиться? Прямо перед рабочим днём! Я же не настолько обречённая? Или всё-таки настолько?.. У девчонок-то всё понятно: они работают посменно и сейчас спокойно отсыпаются в своих кроватях. А я? Я отосплюсь в гробу, по всей видимости. Причём в одном гробу вместе с Нарциссенко...

«Хм, ничего себе! Размечталась: у этого будет саркофаг покрупче черной бмв, — подумала я, проходя через стеклянные двери. — Но мой план простой: нужно незаметно прошмыгнуть в кабинет. Начальнице скажу, что по дороге с юбкой случилась страшная катастрофа. А из-за своего рабочего стола я сегодня не выйду ни под каким предлогом. Объявляю этот день официальным праздником повышенной секретности и геморроя! »

Несмотря на весь мой скепсис, удача на секунду повернулась ко мне лицом. На входе и в коридорах мне удалось не встретить никого из вышестоящих, кто был бы искренне не рад этой юбчонке. Лишь одна из коллег, которая, как я считаю, в последнее время слишком много на себя взяла, таки метнула надменную молнию в мою сторону. Она была дочкой заведующей консультации, а потому находилась у всех на особом счету. Милая. Тепличная. Вот только волосы у неё были редкие и вечно сальные, а лицо — в точно таких же неприятных угрях... Я лишь сильнее вжала голову в плечи и ускорила шаг.

Когда я наконец зашла в наш кабинет и, собравшись с последними силами, дёрнула ручку двери начальницы, то с удивлением обнаружила, что она заперта. В голове сразу закрутились варианты. С одной стороны, если Тамара Николаевна сама опаздывает, она просто не заметит моего опоздания. Даже если узнает — ничего не скажет, потому что виновна в том же самом. Если, конечно, причиной её задержки не является какой-нибудь срочный рабочий вопрос или иное уважительное обстоятельство. Ещё она могла быть на общем собрании, но их у нас устраивали довольно редко.

Осознав все жирные плюсы её отсутствия на рабочем месте, я шумно выдохнула. Нужно было срочно использовать эту передышку в своих целях.

Следующие два часа пролетели незаметно. Забившись в свой угол и не вставая со стула, я первым делом заполнила абсолютно вменяемый образец договора для Нарциссенко и тихонько распечатала в двух экземплярах. Разобравшись с этим нехитрым делом, я успела поделаться рядом иных мелких рабочих вопросов.

Но когда стрелка часов перевалила за одиннадцать, а начальница так и не явилась, я стала понемногу бить тревогу.

А потом ко мне в кабинет без стука заплывла та самая дочка заведующей со своими утями. Она смерила меня оценивающим взглядом и с порога выдала:

— Лика, что с твоим телефоном? Тамара Николаевна уже битый час не может до тебя дозвониться!

«Да, мне бы тоже очень хотелось знать, что с моим телефоном...» — тоскливо подумала я, вспоминая оставленный в клубе гаджет.

— Я... я потеряла его сегодня утром, — выпалила я первую пришедшую в голову полуправду.

— А-а... О-о... — протянула коллега, явно теряя интерес к деталям. — Значит, слушай: её сегодня вообще не будет. Она просила передать, чтобы ты сделала всё строго по плану и закрыла все ваши текущие задачи.

Я едва не запрыгала на стуле от облегчения, но вовремя сдержалась. — А сама она где? — как можно спокойнее поинтересовалась я.

— В поликлинике на УЗИ, — бросила дочка заведующей и, развернувшись, горделиво покинула кабинет.

Оставшись в кабинете в гордом одиночестве, я откинулась на спинку стула и уставилась в потолок.

«Ну, основную работу я уже сделала», — пронеслось в голове.

План в общих чертах вырисовывался идеальный: если начальницы сегодня не будет, а Нарциссенко всё-таки явится, я просто перенесу их встречу на другое время и на другой день. А потом, уже тет-а-тет, вежливо попрошу его переподписать этот злосчастный договор. К тому моменту было бы очень неплохо сменить эту вызывающую мини-юбку на нормальный костюм и найти наконец свою сумочку. Тогда я хотя бы перестану так дико переживать о потере самого ценного.

Я бросила взгляд на правый нижний угол рабочего монитора. До обеда оставалось ещё часа два.

«Я поеду прямо сейчас, — решительно подумала я. — Быстренько заберу сумочку, ключи, деньги и на такси вернусь обратно. Никто и не заметит».

Я тут же открыла поисковик на рабочем компьютере, вбила название ночного клуба, пробила нужный адрес, маршрут и общественный транспорт.

И тут же столкнулась с суровой реальностью: тех денег, которые я утром одолжила у Любы, на дорогу в оба конца явно не хватало. Пришлось наступить на горло собственной гордости. Собравшись с последними силами, я поплелась в соседний кабинет к нашей «горгулье» с сальными волосами. К моему глубокому удивлению, дочка заведующей обошлась без лишних насмешек и колкостей — просто молча отсчитала мне нужную сумму в долг, если не в кредит.

Выходя из здания юридической консультации, я почувствовала небывалую свободу и облегчение. Солнце припекало, а начальница была далеко. Но стоило мне сесть в транспорт, как вся моя напускная уверенность испарилась.

По мере приближения к клубу тревожность и неврастения возрастали по экспоненте. Я в самых жутких красках представляла, как мою сумочку уже украли ушлые посетители, официанты или какой-нибудь другой рабочий персонал. Ну не могла же она покорно ждать меня в том же самом месте, где я её оставила?

Я всегда чётко знала одно железное юридическое правило: любые вещи нужно искать исключительно по горячим следам. Да и преступления раскрывать тоже, если уж на то пошло. Помню, как однажды я точно так же оставила в супермаркете дорогие кожаные перчатки. Стоило мне отойти на пару минут и осознать ценность утраты, как сотрудник магазина, собиравший корзины для покупок, уже технично припрятал их в свой карман. Благо тогда мы подняли записи и всё отследили по камерам. Но здесь-то не продуктовый, а ночное заведение!

Когда я тревожно торопясь вошла в клуб, то увидела, как за барной стойкой, на которой этой ночью во всю отплясывала полуголая девица из моего кошмара, возился всё тот же администратор-бармен, автор вчерашнего убойного коктейля. Молодой, подкачанный, в рубашке с коротким рукавом.

«Это хорошо, — подумала я, немного приободрившись. — Значит, он меня точно помнит».

— Добрый день, — я мрачно улыбнулась, подходя к стойке и пытаясь по привычке одёрнуть юбку. — Кажется, я вчера оставила у вас свою сумочку. Вы не видели её здесь случайно?

Парень оторвался от протирания бокалов, смутно припомнил моё лицо, окинул взглядом мой помятый дневной вид и качнул головой:

— Нет.

В то же самое время у меня внутри всё похолодело.

«Умели...» — простучало в висках, а к горлу подступил удушливый ком паники.

Но сдаваться я не собиралась. Я посмотрела на бармена умоляющим взглядом, в котором смешались паника и отчаяние.

— Пожалуйста, умоляю вас, посмотрите камеры внутреннего наблюдения! — мой голос едва заметно дрожал. — Мне это очень важно. Понимаете, там в сумочке был телефон, деньги, все мои документы...

Парень тяжело вздохнул, оглядел меня с ног до головы и, видимо, сжалился. Это была моя маленькая победа на пути к большой цели. Он подвёл меня к монитору рабочего компьютера и воспроизвел запись. Мы принялись внимательно смотреть видеофайлы сегодняшней ночи. Картинка пошла в реальном времени. Вначале всё выглядело безобидно, но тут на экране появилась я. Оказалось, что в последний раз со своей сумочкой я отправлялась в туалет...

«Здорово», - подумала я про себя. Но то, что я увидела на камере дальше, было ещё хуже, ибо от увиденного у меня внутри просто всё похолодело.

Я сидела у барной стойки с бородатым парнем в черной рубашке, и когда я отвлеклась, он быстрым, вороватым движением подменил мой бокал с коктейлем на свой. Я выпила подозрительный напиток, и спустя некоторое время соседка увела меня от этого ухажера на танцпол.

Затем мы отыскивали видеозапись из коридора. На экране предо мной предстало шокирующее зрелище: в холле, совершенно без сознания, лежу я на руках у Нарциссенко. Он нёс меня так бережно, аккуратно, словно я имела для него какую-то ценность.

«Мать его за ногу! — пронеслось в голове. — Что там произошло в этом туалете? Если мою сумочку и украл кто-то, то это был явно тот бородач!»

Я не выдержала, бросила монитор и на всех парах побежала в туалет.

И — о чудо! — я обнаружила свою сумочку прямо возле умывальника. Какая редкая удача! Мне сегодня просто невероятно везёт.

Я схватила сумку, проверила — слава богу, всё на месте! — и пулей вернулась к бармену.

Ещё бы попросить посмотреть другие временные промежутки без перемотки, и я полностью восстановлю картину произошедшего. Мне самой теперь стало безумно интересно, откуда вообще взялся этот Нарциссенко. Когда он выносил меня на видеозаписи камеры, моё реальное тело невольно вздрогнуло. Я была у него на руках и ничегошеньки не помнила... Оказывается, вся ценность вот таких вот моментов состоит во внутренних ощущениях. Что толку от такой романтики, если ты не можешь её осознать, лицезреть, почувствовать тепло и заботу? Кто-то украл у меня тот вечер, и я хочу узнать, кто это сделал.

— А можно, пожалуйста, посмотреть, что за парень-то был, который покупал мне коктейль, и откуда он вообще появился? — спросила я, вернувшись к экрану.

— Да, конечно, — ответил менеджер и потянулся к управлению. Я уже наготовила свою камеру на телефоне, чтобы отщелкать экран на конкретной минуте, сделать быструю запись для себя. Но стоило мне разблокировать экран, как я с дрожью в теле увидела, что меня уже ждало пять сообщений от Тамары Николаевны и не с пылу, с жару...

"Лица, доброе утро";

" Меня сегодня не будет, мне нужно срочно в поликлинику";

" Я забыла о том, что на сегодня назначено УЗИ";

"Встречу с Нарциссенко не отменяй. Сама его проконсультируй, повтори интеллектуальную собственность";

"Я в тебя верю, держись там".

— Твою же направо... — выдохнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. В одной руке у меня была только что найденная, чудом уцелевшая сумочка, в которой лежали ключи и деньги. На экране клубного монитора застыл кадр, где бородатый подонок подсыпает мне что-

то в бокал. А в голове набатом стучало: Нарциссенко. Мой вчерашний спаситель — это Нарциссенко! Человек, который держал меня на руках, пока я была в отключке, сейчас, возможно, уже паркует свой дорогой автомобиль у нашей юридической консультации. И консультировать этого ходячего бога Аполлона по вопросам интеллектуальной собственности теперь должна я. Сама. В этой позорной юбке и с помятым лицом...

— Девушка, так мы смотрим того, кто коктейль покупал? — вырвал меня из ступора голос администратора.

Я перевела взгляд с телефона на экран монитора, где бородач в чёрной рубашке подмигивал кому-то за кадром. Мне безумно хотелось остаться. Хотелось докопаться до истины, заснять лицо этого отравителя на камеру, узнать, как именно Нарциссенко оказался рядом и спас меня от позора, а может и от чего похуже. Но часики тикали. Два часа до обеда таяли на глазах. Нарциссенко мог приехать в офис в любую минуту, и если он не застанет там ни Тамару Николаевну, ни меня, сделке века — и моей карьере — придёт окончательный и бесповоротный конец.

— Знаете... — я судорожно сглотнула, пряча телефон в сумочку. — Запишите мне, пожалуйста, точное время этого фрагмента. Я... я вернусь вечером. Мне нужно срочно бежать. Работа.

Выскочив из полумрака клуба на залитую солнцем улицу, я пулей долетела до стоявшего у обочины такси. Теперь денег, возвращённых вместе с сумочкой, хватало с избытком.

«Быстрее, пожалуйста, в юридическую консультацию на Бульвар!» — скомандовала я водителю, запрыгивая на заднее сиденье.

Пока машина лавировала в дневных пробках, внутри меня бушевал шквал разнообразных эмоций. С одной стороны, меня душила обида: какая-то мразь лишила меня памяти, испортила вечер, а я даже не успела рассмотреть его лицо. С другой стороны, сердце замирало от странного, щемящего чувства. Нарциссенко. Тот самый высокомерный, невыносимый тип, от которого веяло дорогой парфюмерией и пафосом, нёс меня на руках. Бережно. Не бросил. Не воспользовался беспомощностью. Он спас меня.

«И сейчас я должна буду сесть напротив него за стол и с умным видом рассуждать об авторских правах и патентах, делая вид, что ничего не произошло?» — паника накатывала новой волной. Как смотреть ему в глаза? Может, пронесёт? Может, он не узнает меня при тусклом офисном свете?

Такси резко затормозило у крыльца консультации. Я выскочила из машины, на ходу проверяя время. До назначенного визита оставалось всего пятнадцать минут. Я взлетела по лестнице, на ходу поправляя непослушные волосы. Забежав в свой кабинет, я первым делом бросилась к зеркалу. Вид был, мягко говоря, боевой, но кружевная юбка по-прежнему сидела как влитая, предательски напоминая о вчерашнем трэше. Переодеться я уже физически не успевала.

Едва я успела открыть правовую базу, отыскать в ней хоть какие-то вводные положения об интеллектуальной собственности и сделать глубокий, успокаивающий вдох, как входная дверь кабинета со скрипом отворилась... На пороге стоял он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.